

The background is a vibrant, painterly illustration of a woman with dark, wavy hair, seen from behind, walking barefoot through a dense field of green foliage. She is wearing a long, flowing white dress. The scene is filled with various shades of green, from deep forest greens to bright, sunlit yellows and blues. Several purple butterflies are scattered throughout the scene, some in flight. The overall style is soft and dreamlike.

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а
Л а с т о ч к а

*«Наташа
Терентьева —
писатель, которая
пришла в литературу,
чтобы сказать
свое слово.
И дорога эта
прекрасна».*

ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА

Наталия Терентьева

Ласточка

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Терентьева Н. М.

Ласточка / Н. М. Терентьева — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-099345-1

Новый роман мастера психологической прозы Наталии Терентьевой – это драматическая острсюжетная история одной семьи, чью жизнь расколола случайность. Героиням – матери и дочери-подростку – предстоит нелегкий путь преодоления, прощения, обретения доверия друг к другу и – счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099345-1

© Терентьева Н. М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	47
Глава 8	62
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наталия Михайловна Терентьева

Ласточка

Выше закона – любовь.

Выше справедливости – лишь прощение.

Патриарх Алексий II

© Н. Терентьева

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1

Ника шла по узкой тропинке, задевая ветки рукавами. Тишина вокруг была такая, что шорох от ее шагов и шуршанье веток о легкую куртку казались громкими.

Ника услышала сигнал телефона в кармане.

Ты где летаешь? :) Все уже собрались.

Ника убрала телефон обратно в нагрудный кармашек и слегка улыбнулась. Так все изменилось в ее жизни за эту неделю. Хорошо, что отец уговорил ее поехать. Он пока не знает, сколько новых впечатлений, знакомств и чувств появилось у нее. Она расскажет, обо всем расскажет отцу. Или почти обо всем.

Ника перепрыгнула через расщелину в земле. Жаль и... хорошо, что отец не смог поехать. В этом лагере есть и целые семьи, некоторые живут вместе в палатках, некоторые отдельно. Взрослые – во взрослой части лагеря, дети – в детской.

Ника долго отбивалась, не хотела ехать в лагерь, где нужно спать в палатках, где она никого толком не знает. Какие-то мальчишки из ее школы – не в счет. Ника договорилась с отцом – если ей не понравится, она возьмет билет и улетит из Симферополя в тот же день.

Но как только Ника увидела этот берег, плато, как будто срезанное огромным ножом, живописные вершины гор вокруг, чистейшее море, бескрайнее и безбрежное, зеленые просторы предгорий, она забыла обо всех своих страхах. В такой красоте и не хочется спать иначе, чем в палатке, чтобы быть близко к земле, к морю, на него можно смотреть бесконечно и никогда не насмотреться.

В первый же день после обеда к ней подошел мальчик и сказал:

– Привет, я тебя знаю. Мы в одной школе учимся.

– Да? – удивилась Ника. – Ну, привет.

– А теперь я к вам в класс перехожу. Ты ведь в «А»?

Ника кивнула, с интересом разглядывая подростка. То ли ему шел загар, то ли он правда такой симпатичный. Ярко-голубые глаза, гладкая кожа, растрепанные выгоревшие волосы, светлые брови, высокий лоб, с несовершенствами, правда, но куда от этого деться в их возрасте... Да, точно. Она смутно помнила этого высокого парня, который учился в параллельном и часто приезжал в школу на велосипеде, но даже не знала, как его зовут. Параллелей теперь в школе много, всех не упомнишь.

– Хорошо учишься? – спросила Ника, видя, что тот топчется и не знает, что еще спросить.

Ника его разглядывала, он явно засмутился, от стеснения смеялся сейчас без причины.

– Хорошо! – закивал подросток. – Не так хорошо, как ты, конечно...

– Ты знаешь, как я учусь? – удивилась Ника.

– Кто же этого не знает! – опять засмеялся Кирилл, как будто Ника удачно пошутила. –

Ты же спортсменка... то есть... ну там... олимпиады... по математике... Не помнишь? Вместе ходили осенью...

– Нет. – Ника извиняющеся пожала плечами.

Кирилл хмыкнул.

– Вот видишь... И еще на вручении аттестатов за девятый класс объявляли, что ты – лучшая ученица. Мои родки очень расстраивались, что это не я. Ты экзамены лучше всех сдала, математику хорошо написала, да?

– Ну да... – рассеянно кивнула Ника. – Что мне с того?

– В смысле?

– Я привыкла к этому, – пожала плечами Ника. – И потом, в нашей школе не так уж трудно быть лучшей.

– Почему?

– Евреев нет.

Кирилл от неожиданности засмеялся, потом перестал смеяться, нахмурился.

– Не понимаю.

– А что тут понимать? Крепкие середнячки, а также те, кому учиться не нужно совсем.

Я на их фоне звезда.

– Ты всегда так разговариваешь?

– Всегда. Продолжим разговор? Или всё, наговорились? – Ника насмешливо посмотрела на мальчика и хотела уйти.

– А ты ничего, – неожиданно сказал Кирилл. – Я вообще не думал, что ты сюда тоже приедешь... То есть... Гм... Я – Кирилл...

Ника увидела, как по загорелой щеке подростка стал разливаться неровный румянец.

– А ты как сюда попал? Занимаешься в туристическом клубе? – спросила Ника, чтобы перевести разговор.

– Да... то есть... что я говорю... нет... просто... – Кирилл взъерошил короткие волосы и засмеялся. – Кислорода много, перегорает в голове что-то... Короче, родки решили, что мне надо пожить без бытовых удобств...

– У тебя слишком много удобств в Москве? – прищурилась Ника. Неужели этот мальчик – мажор? Так с виду и не скажешь. Приятный, умный, слова складывает по крайней мере, не все мальчики в его возрасте могут хорошо изъясняться... А почему бы ему не быть приятным и складно говорящим?

– Хватает удобств, – кивнул Кирилл.

– Ты богатый? – просто спросила Ника.

– Наверно, да. Смотря с чем сравнивать. У вас в классе есть девочка, чей отец гораздо богаче.

Ника удивленно посмотрела на мальчика.

– Откуда ты так точно знаешь?

– Он часть нашего бизнеса недавно поглотил.

– Чем занимается твой отец?

– Ну там... разным... торговлей... Я точно не знаю. А твой?

– Мой... – Ника замялась, как обычно, когда заходил разговор о занятии ее отца.

Кирилл не так понял ее заминку.

– Проехали! – махнул он рукой. – Я вообще никогда не думаю о социальной разнице!

Ника засмеялась.

– Молодец. Я тоже. Мой отец – программист.

– Здорово, нужная профессия.

Ника взглянула на мальчика. Что бы он сказал сейчас, если бы узнал, какого рода программами занимается ее отец и какое у него офицерское звание? Она сама в точности не знает подробности его работы, но степень ее секретности знает точно. За границу они в последние годы предпочитают не ездить. «Так спокойнее!» – объясняет обычно отец, когда они берут билеты в очередную поездку по России. «Точно знаю, что нас с тобой не украдут вражеские спецслужбы и не будут пытаться!» Ника, уверенная, что отец шутит, тем не менее привыкла соблюдать все правила предосторожности, о которых он время от времени ей напоминает. Правило номер один – не болтать о том, чем занимается Антон, ее отец, раз уж так вышло, что Ника об этом узнала, а узнала она случайно, когда в доме творилась неразбериха два года назад, когда все это случилось с братом и потом с матерью... Правило номер два – даже не заикаться о том, что отец – офицер. Программист и программист, этого достаточно для посторонних.

– Мой отец – офицер, – неожиданно для самой себя сказала Ника. Да, это нельзя говорить. Но неужели она будет терпеть снисходительность этого голубоглазого мажора, чей отец занимается «разным... торговлей...»!

Кирилл тут же с огромным интересом переспросил:

– Офицер? Программист? Так бывает? И чем он занимается? Дешифровкой? А-а, я понял, он – фээсбэшник, да? Здорово... Расскажешь?

«Сообразительный мальчик», – подумала Ника. Зря она не удержалась. Просто очень хотелось поставить его на место.

– Я пошутила, – сказала Ника. – Ладно, пока! Мне нужно идти, я еще здесь не освоилась, вечером увидимся у костра.

– Я думаю, мы будем видеться весь день, – улыбнулся Кирилл. – Ты не возражаешь?

– Да нет, – пожала плечами Ника как можно равнодушнее.

Когда она ехала сюда, вот о чем о чем, а о том, что может здесь влюбиться, она думала меньше всего. А она – собирается влюбиться? Ника чуть не споткнулась на ходу от неожиданно пришедшей мысли. Обернулась на Кирилла, уверенная, что он ушел. А он стоял и откровенно смотрел ей вслед. Увидев, что она обернулась, он тоже резко отвернулся и пошел, подкидывая ногой мелкие камушки с тропинки. Чудеса... Да, вот отец-то бы сейчас занервничал... Он же все про свежий воздух да про море думал...

«Да, похоже – могу влюбиться», – сказала себе Ника. Лучше сразу признаться, не лукавить сама с собой. Ей пока никто еще серьезно не нравился. Мальчики в классе слабые, инфантильные, в спортшколе она их всех наизусть знает, много лет. Когда-то давно ей понравился новый мальчик в горнолыжной школе, года два они перемигивались, пересмеивались, а когда прошлой зимой оказались вместе на сборах и Ника узнала его поближе, весь интерес прошел. С четырнадцатилетним мальчиком поехала няня и сидела все тренировки с термосом, с баночками, в которых была натертая морковка, творожные муссы... Ну и вообще. Ника представляла себе, что однажды она встретит умного мужественного человека, чем-то похожего на ее отца, только молодого и веселого. Антон в последнее время редко улыбается, сосредоточен, любит ее, заботится, но редко смеется, даже на отдыхе. И вот сейчас этот голубоглазый мальчик понравился ей больше всего открытой широкой улыбкой, какой-то радостью, которая так и исходит от него.

Ника сделала еще один кадр садящегося за горы солнца и поспешила к костру, где собрались, как обычно, все подростки и немногочисленные взрослые. Кирилл махнул ей рукой и показал на место рядом с собой.

Руководитель лагеря Олег Александрович оглядел собравшихся:

– Вроде все, да? Так, и кто из вас намерен отправиться в двухдневный поход на родник? Кстати, есть возможность испытать себя и пойти в одиночку. С восемнадцати лет, разумеется.

– Жалко, – вздохнул Кирилл. – А я как раз хотел...

Ника с сомнением взглянула на мальчика.

– А вот я бы ни за что одна не пошла.

– Но и тем, кто пойдет группой, испытаний будет достаточно, – продолжал Олег. – По условиям этой эстафеты вы не берете с собой ни спичек, ни веревки, ни еды.

– Ничего себе... – протянул кто-то. – А что же есть?

– Ягоды. Молодые орехи.

– А воду можно взять?

– Вода в роднике, до которого вы должны добраться. Но это абсолютно добровольное дело. Если кому-то интересно побыть в экстремальных условиях. И если группой, то тоже только с шестнадцати лет.

– Тебе ведь есть шестнадцать? – тихо спросил Кирилл.

– Есть, – без особой охоты ответила Ника. – Но я не...

Она не стала продолжать, видя взгляд Кирилла. Наверно, никто раньше на нее так не смотрел. Или вовсе ей это было не нужно. А сейчас – нужно. Как так могло произойти за один

день – непонятно. Еще утром она была спокойна и свободна, и самое большое, что ее волновало, это то, что связь здесь не очень хорошая и нельзя посылать отцу фотографии, которых она уже сделала около ста – такая красота вокруг. А теперь... Она даже не думала, что способна влюбиться с первого взгляда. Все девчонки только об этом и говорят – с первого, не с первого, вообще о любви, своей, не своей, но ей совсем не до этого. У нее – спорт и учеба, которые занимают все время и все силы. И просто... Ей казалось, что это все не для нее.

– Мы пойдем! – громко сказал Кирилл.

– Мы – это кто? – усмехнулся Олег. – Ты и...

– Я тоже пойду, – сказала Ника.

– Вдвоем не очень, Ника, – твердо ответил Олег. – Надо хотя бы еще двоих.

– Жаль, – почти неслышно проговорил Кирилл.

Ника чуть отодвинулась. С виду и не скажешь, что его интересуют девочки – шалопай и шалопай. Веселый, доброжелательный, кажется, вполне положительный. Но она бы тоже вдвоем с ним не пошла. Ни почему. Хотя бы потому, что это трудно было бы объяснить отцу.

Еще две девочки лет пятнадцати-шестнадцати подняли руки. Ника знала их лица – они вместе числились в одной огромной, объединенной год назад школе, но не пересекались. До десятого класса они учились по разным школам, а потом школы объединили, классы перетасовали, в их здание пришли старшекласники из четырех других школ, и оно стало называться «старшей школой». Учились теперь здесь одни подростки, усмирять такое количество практически взрослых, но еще совершенно несамостоятельных людей оказалось делом сложным, конфликтов было огромное количество, слово «дисциплина» вызывало только насмешки, но Ника мало вдавалась в школьные проблемы, стараясь успевать хорошо учиться и заниматься спортом.

Девочки всё тянули руки, переглядываясь и смеясь. Больше никто руку так и не поднял.

– Лучше бы пацаны пошли... – покачал головой Олег. – Ну ладно. – Он выразительно посмотрел на мальчиков, которые о чем-то увлеченно спорили. – Я понял, гендерная революция. На экстрим рвутся девочки, наши будущие президенты и министры обороны. Ладно. Вы четверо оставайтесь после общего собрания на инструктаж. Потренироваться бы еще надо... Все умеют палатку самостоятельно ставить? Двое моих, а двое новеньких, я вижу. Кирилл и Ника, так? Вы же оба первый раз у нас? Верочка, а тебе шестнадцать разве исполнилось?

– Через месяц, Олег Александрович, – ответила худенькая девочка в больших очках и с длинной густой челкой.

– Я за ней слежу! – громко сказала вторая девочка, поднявшая руку, крупная Даша, которую все звали за глаза Борода, потому что на вечерних посиделках с гитарой у костра она все просила подыграть ей известный попсовый хит «У тебя борода, я скажу тебе “да”». Даша о своем прозвище скорей всего не знала, ее побаивались – и девочки, и мальчики.

– Ладно, – согласился Олег.

– Пусть готовятся к обороне родины! – выкрикнул Паша, высокий тяжеловатый подросток. Он тоже был из Никиной школы, из параллельного класса. – Скоро закон такой примут – о всеобщей воинской повинности.

– Я понял, – кивнул Олег. – Я, правда, пока не готов уступить женщинам все ключевые позиции.

– Они не спросят! – ответил Паша. – Напирают! Вон Ласточкина – уже мастер спорта, а я – нет.

– Так ты же не занимаешься спортом, – удивилась Ника.

– Еще чего! С бабами соревноваться! А мужских видов спорта почти не осталось!

– Так, все, пустые разговоры! – остановил его Олег. – Паш, может, и правда пойдешь пятым? Все же два парня будет, полегче как-то...

– Не, я без спичек и без еды не пойду.

– И без веревки, да? – засмеялась Ника. – Не повеситься в случае чего...

Паша показал ей за спиной неприличный жест. Ника только пожала плечами.

– Ладно, дело хозяйское, в смысле – добровольное. – Олег с интересом взглянул на Нику. – Мастер спорта? Мне Антон не говорил об этом, просто сказал – ловкая, спортивная.

– И языкастая, – подсказал Паша. – Язык как... – Паша не нашелся что сказать, рубанул изо всех сил рукой в воздухе.

– Так и есть, – кивнула Ника Олегу, не обращая внимания на Пашу.

– А спорт какой? – продолжал спрашивать Олег Александрович.

– Шахматы! – засмеялся Паша. – Разве не видно? Мозги наружу лезут уже!

– Что ты завелся-то? – удивилась Ника.

– Да баб умных не люблю, бесят. От них все зло мира.

– Я тебя вообще первый раз в жизни вижу.

Паша вспыхнул:

– Мы в одной школе учимся. Так, на всякий случай.

– Значит, тебе не повезло, Паш, – засмеялся Олег. – Не заметила тебя Ласточкина. Вот пошел бы с ней поход, показал бы себя...

Паша, воспользовавшись, что Олег обернулся на чей-то вопрос, привстал и выразительно потряс бедрами.

Ника взглянула на Кирилла, который в это время, отвернувшись, объяснял что-то Верочке. Не слышал, жалко. И не видел. Может, ответил бы Паше так, чтобы у того отпала охота хамить.

– Правда шахматы? – спросил Олег, снова повернувшись к ним. – Паш, ты, кстати, давай не выступай, не принято у нас задираться, ты в курсе. Раз вы все из одной школы, вот и держитесь вместе.

Ника повела плечами. Кажется, эйфория первых дней прошла. Природа природой, а то, что мальчики цапаются из-за нее – к этому не привыкать, обычное дело в классе. Просто этих она даже не знала до поездки, ей своих, из класса, хватает.

– Нет, не шахматы. Горные лыжи.

– Ух ты! – искренне восхитился Олег. – Молодец. Значит, с горами знакома.

– Да, только с зимними, на сборы езжу уже восемь лет.

Кирилл наконец подошел к ней и к Олегу. За ним стояла, тихо слушая и то и дело поправляя очки в черной оправе, Верочка. Ника услышала, как она спросила:

– Кирюш, ну что, возьмешь мой фотоаппарат, да? А то он тяжелый.

– Так договорились же, – немного удивленно ответил Кирилл. – Приноси мне в палатку.

Ника кивнула всем и пошла к морю. Неужели так не может быть, чтобы никто никому не завидовал, никто никого не ревновал, не хотел отбить, чтобы никто не писал гадости в Сети... Как она устала от этого в школе и как надеялась, что здесь, в лагере, про который ее ироничный и трезвый отец говорил только в превосходной степени, ничего подобного не будет. Но – нет. Кто-то притягивает к себе несчастья и болезни, кто-то – удачу, случайную, ничем не оправданную, от которой захватывает дух и становится страшно, кто-то – удивительных людей с интересными судьбами – мама ее раньше всегда радовалась, что к ней всегда идут сами персонажи, и искать не надо, приедет снимать сюжет о коммунальных службах, а встретит забытого героя войны, или умнейшую учительницу, или бескорыстного и талантливого врача, или же местного поэта, искреннего и наивного; к кому-то идут бездомные собаки и кошки, всегда и везде, а Ника словно манит завистливых и недобрых приятелей и подружек. Может, ей так кажется? Ведь у нее есть в школе хорошая подруга Таня. Есть или была, теперь уж и не разберешь.

Они дружат с раннего детства, но та уже год как живет в собственном мире. Мир этот состоит в том, что Танька сочиняет песни и ставит их в Интернет. Это не просто увлечение, а образ жизни, ничего другого Танька не делает.

Музыкального образования у Тани нет, голоса тоже, но она на слух подбирает аккорды, легко, не задумываясь, плетет простые рифмы «свет-нет-ответ», «приду-уйду», «забуду – не буду», «зима-сама» и имеет успех у других подростков в Интернете, количество ее подписчиков в Ютубе и Инстаграме перевалило за пять тысяч. Значит, кто-то слушает эти незамысловатые песенки, кому-то они нравятся. Таня в жизни разговаривает нормальным голосом, а поет особым, чуть гнусавым, как будто специально фальшивит, не дотягивает ноты, подвывая, подплывая к верхним нотам, от этого мелодия становится неопределенной, узнаваемой и оригинальной одновременно. И это имеет успех у сверстников.

Таня сама кому-то явно подражает, но уже есть девочки, в основном младше, не из Москвы, из провинции, которые подражают ей. Пишут похожие песенки, посылают Тане, чтобы она оценила. Возможно, какой-то девочке, которая живет в маленьком поселке в двухстах километрах от Вологды или Мурманска, Танька кажется столичной звездой.

Ника дружила с Таней с тех пор, как себя помнит, их матери когда-то гуляли вместе с колясками, и девочки познакомились, как только стали узнавать мир вокруг себя. Танька – естественная часть ее жизни. Но эта часть становится все более и более чужой, к сожалению. Что делать, если Нике не нравятся эти песни, они видит, как подружка на уроках сочиняет их, чертыхаясь, когда ей совсем не хочется писать и, главное, – не о чем, но она боится, что ее забудут подписчики, станут отписываться, и она с раздражением чиркает, чиркает в тетрадке, спрашивая Нику:

– Нормально? Классно?

– Нормально, классно, – обычно кивает Ника. А как скажешь, что это неинтересно, вторично, ни о чем? Этот как раз тот случай, когда твоя замечательная правда никому сто лет не нужна, как обычно говорит ее отец.

– Завтра выходите в шесть тридцать, – предупредил Олег.

– Может, хотя бы в восемь, Олег Александрович? – спросила Верочка, все так же стоя близко-близко к Кириллу.

– Жарко будет. Нет, подъем в пять тридцать, стартуете в шесть тридцать. Не обсуждается.

– Ага! – зевнула Борода и по-хозяйски подгрела к себе Верочку, оттянув ее от Кирилла.

– Ну Даш... – промяукала Верочка, но покорила, виновато оборачиваясь на Кирилла.

Тот в ответ пожал плечами.

Ника кивнула. Все привычно, похоже на сборы. Распорядок дня, все распланировано... Только свободы здесь намного больше. И можно делать то, что хочешь. Никто ее не заставляет завтра идти так рано и проверять, сможет ли она питаться ягодами и зелеными орехами. В принципе можно и не вставать полшестого, спать до семи. Сегодня она видела, что кто-то пришел на обед к концу, кто-то бежал купаться, когда все остальные уже вернулись с моря. Железной дисциплины нет. Но она привыкла за годы в спорте к тому, что день расписан не только на сборах, но и каждый обычный день, даже выходной, спланирован с утра до вечера. И это ей нравится гораздо больше. Тогда успеваешь и отдохнуть, и очень много сделать – для себя, для семьи. Теперь ее семья стала в два раза меньше, но они с отцом живут так, что всегда чувствуют заботу друг друга. Вот в июле поедут вдвоем на Алтай, там будет время пообщаться.

Глава 2

Анна вышла из кельи и остановилась. Кажется, что-то не так. Она потрогала голову. Не надела платок. Поддержала его в руках и положила рядом. И вчера так же было. Она вообще чувствует себя уже несколько дней как-то странно. Как будто она здесь и в то же время где-то еще. Идет по какой-то улице, бесконечной, вдали светло, и ей так хорошо идти... Когда она видит эту улицу, то перестает слышать и воспринимать все вокруг. Ее могут по несколько раз окликать, останавливать. А она вроде и слышит... а вроде и нет. Не хочет оттуда возвращаться, как иногда не хочется просыпаться утром, когда понимаешь, что наступил новый день, что надо просыпаться, вставать, жить, а во сне так хорошо, так покойно, во сне жив Артем, еще не было того страшного дня, еще ничего не произошло, еще она не ушла с утра на работу, еще Ника не повела Артема на занятие, еще не занялся прекрасный весенний день, такой день, в который просто не может произойти ничего плохого, в который не может Артем высунуться из окна аудитории, куда Ника привела его заранее – зачем было приводить заранее! Зачем?! Почему она все всегда делает вовремя, все кругом опаздывают, и только Ника приходит везде за пять минут до начала. Кто ее этому научил? Почему она такая выросла? Зачем она привела Артема так рано и оставила, маленького, семилетнего, беспомощного? Зачем? Куда она так спешила? На свои спортивные занятия? Зачем ей этот спорт, зачем? Кому вообще нужна вся эта суета?..

Анна с трудом остановила себя. Нет, так не нужно. Нужно смириться, она знает. Нужно прочитать молитву, нужно вообще весь день читать молитвы, не останавливаясь. Не только на службе. Все делать – полоть, стирать, чистить снег, убирать траву, листья – и молиться. Третий год она здесь, сначала это не получалось, потом стало легко и привычно. А сейчас как-то опять стало трудно. Сбиваешься, читаешь молитву, а мысли сами по себе идут – то в тот апрельский день, то по светлой дороге, в конце которой свет, счастье, покой... Она должна простить Нику. Пока она не простит ее, тяжесть в ее душе не станет меньше. А тяжесть никогда не станет меньше. Иногда кажется – вот сейчас пройдет, вот еще немного и она поймет что-то, что пытаются ей объяснить и настоятельница, и старые, опытные, многомудрые, истинные монахини – «старицы», которые живут здесь уже не первый десяток лет и чувствуют себя так близко к Богу, как Анна хотела бы чувствовать, да не может пока. Потому что слишком много боли в ее душе. Ей может помочь только Бог, и она стремится к нему, стремится, иногда он ей внемлет, иногда каждое слово Анны как будто услышано, она это чувствует, стоя на службе, молясь и растворяясь в пении, в проповеди, в монотонности молитвы, в непонятных словах, они лучше всего, когда непонятны, Анна повторяет слова молитвы, они на русском, но как будто каком-то другом русском языке, певучем, сложном, загадочном.

Неужели она когда-то могла заниматься таким прозаическим делом, бегать с камерой по городу, делать никому не нужные, суетные репортажи? Упала сосулька, расшибла голову бабушке... Лучше бы Анна этой бабушке капли сердечные из аптеки принесла или три килограмма продуктов, а не приставала к ней с глупыми вопросами: «Как вы считаете, коммунальные службы виноваты в том, что у вас синяк на лбу?» И ведь ей нравилась эта работа, она ею гордилась, могла встать в пять утра, чтобы ехать в другую область, ловить подъезжающего местного начальника, проворовавшегося или бравшего взятки, задавать ему вопросы... Мелко, убого, ничтожно... Анна опять остановила себя. Она не должна предаваться осуждению. Не надо осуждать – ни себя, ни других, ни себя прошлую, ни Нику, ни мужа – бывшего мужа... Кто ей теперь Антон? Как он живет? Успокоился или страдает? О ней, об Артеме? Он забыл об Артеме? И об этом она тоже не должна думать. Она ушла к Богу, она должна думать только о Боге и заботиться о хлебе насущном – жизнь в монастыре не простая, натуральное хозяйство, в основном что вырастили, то и съели. Она должна молиться о душе Артема, он давно у Бога,

конечно, Бог взял его к себе, Артем был маленький и безвинный, души безвинных младенцев попадают к Богу.

Но как не думать о том, что она могла бы в тот день не ехать на никому не нужный репортаж об овощной базе, где овощи хранились вперемешку с запчастями для машин и какими-то старыми покрывками. Ну хранились и хранились, никто не умер от этого. А Артем умер. Если бы его не повела Ника, если бы глупая, самонадеянная, равнодушная Ника не привела его за семь минут до занятия, не оставила одного, он не высунулся бы из окна, ничего бы не случилось. Ничего. Ника живет, катается на лыжах, Антон умудрился написать, что Ника получила мастера спорта... Анна могла бы простить Нику, если бы она была уверена, что так хочет Бог. Так говорит матушка, так говорят сестры, но она ни разу не слышала этого в церкви. Потому что то, что говорит Бог, она с некоторых пор стала слышать. Не всегда, и никогда не знаешь, захочет ли Бог с тобой сегодня говорить. Но Анна слышит его слова. Точнее, понимает. Как будто слышит, но каким-то другим слухом. Когда настоятельница с ней разговаривает, Анна кивает, соглашается, невозможно не согласиться, матушка говорит так все правильно, так складно, так логично, по-другому – так не говорят в мирской жизни... Но... матушка тоже человек. А решить это может только тот, кто над людьми. А он молчит. Он никогда не говорил Анне: «Прости Нику». И Анна считает, что у нее нет больше дочери. Не могла дочь убить ее собственного сына. А она убила. Своей глупостью, своим эгоизмом, своим равнодушием. Маленький худенький Артем, быстрый, ловкий, смешливый, похожий как две капли воды на Анну, залез на подоконник, свесился в открытое окно и упал вниз, с третьего этажа, где находился тренировочный зал. Зачем ему нужно было дзюдо? Это придумал Антон. Значит, он тоже виноват в смерти Артема. Сколько угодно пройдет времени, но Анна не простит ни Антона, ни тем более Нику, которая шла по улице, смеясь и болтая по телефону, а маленький Артем уже лежал, мертвый, на асфальте, с тонкой струйкой крови в уголке рта...

Анна остановилась на пороге кельи, с силой сжав виски. Да, кажется, она себе давала слово никогда больше не вспоминать эту картину. А как она может не вспоминать? Эта картина всегда внутри нее. Тем более что она ее не видела. Когда она вернулась с репортажа, Артема уже увезли. Просто она четко представила себе, как все было, как будто видела это. И живет с этим уже два года и два месяца. И ничего поделать не может.

Анна вернулась в келью, взяла платок – большой черный плат с овальным вырезом для лица, апостольник, так он называется здесь. Первое время она ходила в обычном черном платке, потом ей дали апостольник. Странно было его носить первое время, потом привыкла. Сегодня праздник, звонит колокол – ярко, торжественно, настойчиво. Надо вместе со всеми радоваться. Как ей тяжело, когда здесь «праздники». Она пытается, как может, проникнуться их смыслом, чтобы не стоять совсем уж неискренне, когда все монахини вокруг нее с просветленными лицами повторяют слова молитвы, поют... Хорошо, что их в праздники православные монахини не меняют черные облачения. Ей снять сейчас черное невозможно, как будто предать что-то очень дорогое. Ее цвет – черный. Цвет ее скорби, цвет ее души, цвет ее жизни. Ей бы еще без коллективных праздников обойтись. Но заставили, объяснили, что иначе нельзя. У Бога праздник, а Анна пришла к Богу, поэтому надо жить по его законам. Сегодня – праздничная служба, значит, она точно попадет на нее, потому что на обычную удается не каждый день попасть. Сбегаешь в шесть утра на полунощницу – утренний сестринский молебен – и приступаешь к своим нескончаемым обязанностям.

Когда Анна шла в монастырь, она не могла себе представить, что как будто поступает на крайне тяжелую и зависимую работу, часто бессмысленную, грубую. Мыть полы, скрести до чистоты старые, подгнившие доски, мыть стены, двери, туалеты, без перчаток, без горячей воды, с водой у них туго в монастыре. Выносить мусор с кухни, копать-перекапывать землю, всегда такую плотную, тяжелую, глинистую, в которую никак не хочет идти лопата, таскать полные ведра воды, по двадцать, по тридцать литров – есть места в монастырском саду, куда

не доходит ни один шланг, а поливать надо, сад должен быть зеленый, кроме пользы он еще и прекрасный. Несмотря на всю черноту в душе, Анна видит, как прекрасна природа вокруг. Природа, которой больше никогда не увидит ее маленький Артем.

Глава 3

– Пошевеливайтесь! – Паша обернулся и посмотрел на девочек, за которыми шел Кирилл.
– Лучше бы ты остался на завтрак, Паш, – бросила ему Ника, – чем так орать на всех. Никакого нет смысла в нашем походе, если собачиться.

– Такая умная, сама оставалась бы в лагере! – продолжал Паша в том же духе. – Спортсменка...

– И правда, Пашок, заткнулся бы ты. – Запыхавшаяся Борода махнула на него крупной рукой. – И так тяжело идти, а тут еще ты триндишь!

– Нет, ну слушайте, это совсем не годится. – Ника остановилась. – Вы не понимаете, что... тогда все наоборот... – Ника перевела дух, не в силах подобрать правильные слова.

Она огляделась. Какая же красота. Как хорошо, что из-за жары пришлось так рано выйти. Только что взошло солнце. Матово-золотое, на чистом бирюзовом небе, оно еще почти не грело. Было непривычно прохладно и очень тихо. Пели птицы, как-то по-другому, чем обычно поют в лесу рядом с их дачей. Другие птицы, наверно. Близко пролетела крупная серо-белая птица с широкими пестрыми крыльями, внушительным клювом, посмотрела на Нику круглым глазом, Ника, как зачарованная, проследила за ее медленным уверенным полетом. Круг, резкий поворот, взлет вверх, снова – огромный круг, вот она вернулась, спикировала, но не до самой земли, и опять взвилась вверх. Красиво, бесконечно красиво. Горы вдалеке снижались к морю плавной волной, ни с одной стороны не нависая над плато, на котором был расположен лагерь. Простор, покой и красота.

Паша, видя, что Ника оглядывается с удовольствием и выбирает ракурс для фотографий, внятно выматерился.

Ника оглянулась на него.

– Знаете... Я тогда вообще одна пойду.

– Одной только с восемнадцати лет, – сказал Кирилл.

– Кирюш, Кирюш... – Верочка подошла к нему поближе. – И мы с тобой можем одни пойти, да? Разделимся, ребята, как, а?

– Щас! – Борода потянула ее за ляжку рюкзака, да так, что Верочка покачнулась и чуть не опрокинулась назад. – Кто это вас пустит? Ты что, подруг предаешь? Из-за него, что ли? Кирюха, ты чё там моей подруге нашептал уже?

Верочка умоляюще сложила руки:

– Дашунь, ну Дашунь...

– Нехрен! – Борода обняла Верочку за шею. – Рядом стой.

– Ладно... – Верочка опустила голову.

Ника с некоторым удивлением наблюдала всю эту сцену. Кирилл молчал, фотографируя горы, потом присел, отвернувшись ото всех, и стал снимать красивые фиолетовые цветы, кучками растущие у них под ногами.

– Макросъемка! – объяснил он, поймав Никин взгляд.

– Я так и поняла, – кивнула она.

– Слушайте, я пить хочу! – Паша вернулся к ним. – Можно энергичнее двигать конечностями?

Ника только покачала головой. К грубости и мату ей не привыкать. В горнолыжной школе матерятся и тренеры, и дети, но какой смысл сейчас ссориться, идти, как на муку. Это же приключение, развлечение, не больше того. Зачем этот Паша пошел, вчера же категорически отказался...

– Давай сюда рюкзак... – Паша неожиданно с силой сдернул Никин рюкзак. – Идешь еле-еле. Набрала кирпичей...

Ника поймала удивленный взгляд Кирилла и насмешливый Дашин. Но никто из них ничего не сказал. Она не стала отказываться. Хочет нести два рюкзака – пусть несет. Кажется, теперь стало немного понятнее, почему он так хамит и зачем пошел с ними. Кирилл догнал Пашу и пошел рядом, хотя они в самом начале договорились, что мальчики идут первым и пятым. Но лагерь остался далеко, Олег с его напутствиями – тоже, поэтому теперь все будет так, как сложится.

Борода шла-шла, потом догнала мальчиков и повесила Кириллу свой небольшой рюкзак, достав из него бутылку с водой.

– Ничего себе! – покачал головой Паша и рывком попробовал отобрать у нее бутылку.

Борода засмеялась, грубо ответила в Пашином духе и пнула его в воздухе ногой.

– Кирюшка вон идет молчит, а ты чё? Мы, кстати, с Верунчиком еще с профилями не определились, непонятно, в каком классе окажемся... В любом случае будем или с Никой, или с Кирюхой в одном классе.

– Или все вместе, – сказала Ника. – Перетасуют же классы, по профилям будут группы, как один большой класс. Только формально останутся параллели.

– Вот и здорово, – сказала Борода, открывая бутылку и жадно отхлебывая из нее. – Начнем дружить прямо здесь... Уже дружим... – Она постучала себя кулаком по плечу, как заправская пацанка. – Будешь? – Она протянула воду Вере, которая так и тащила свой большой рюкзак. – А ты-то что себе напихала в рюкзак? Давай мне, ладно уж... Третьего надо было подбить парня пойти с нами, чтобы отдать ему тяжести.

– Ага! – осклабился Паша. – На! – Он сдернул рюкзак с Кирилла, развернулся и бросил рюкзак Даше, та лишь чудом его поймала.

– Ну ты debil... – покачала головой Борода.

Что же так всем плохо, особенно этим двоим... Борода взяла воду, а условие их похода – дойти до родника, найти его по карте, преодолеть два сложных участка пути, из родника напиться... В этом, кажется, и состоит приключение, часть его. А в чем тогда смысл, если попить воды из пластиковой бутылки? Себя обманывать и других?

Ника вздохнула и решила отстать. Все равно все пошло совсем не так, как обещал Олег. Он живет в каком-то другом мире, ему так удобно, хотя того мира уже давно нет или никогда не было. Олег вместе с ее отцом когда-то служил в армии после школы. Закончив тот же институт, что и Антон, поработал на одной компьютерной фирме, на другой, попробовал преподавать информатику в школе, а потом ушел в районный дом культуры, полупустой в то время, и создал там спортивно-туристический клуб для взрослых и их детей. Взрослые записывались вяло, а дети, подростки неожиданно стали приходить. Им нравился Олег, сдержанный, внимательно относившийся к каждому, прекрасно разбирающийся во всех гаджетах и новых устройствах. Антон обещал Нике, что Олег – самый лучший, честный и наивный человек, которого он встречал за свою жизнь. Что у него отличные дети в его туристическом клубе и прекрасная атмосфера, отношения между подростками. Насчет своего друга Олег, похоже, не ошибался. А вот дети и отношения... Такие же, как у них в школе. Каждый за себя и против всего и всех. Такая позиция – «я лаю, потому что все уроды». Так написано на ошейнике у собаки их соседа, очень симпатичного и улыбчивого человека. И собака у него милая, лаять разве что любит.

Сейчас, в горах, в начале такого прекрасного дня Нике хотелось просто идти спокойным шагом, не бежать, не торопиться, наслаждаться кристальным воздухом, чистотой неба, изумительной природой, видами гор, моря, фотографировать пейзажи, птиц, насекомых... Красота. Но только не ругаться.

Ей не был особенно симпатичен Паша, тем более грубая Борода, похожая на крепкого мальчика. Она в школе всегда издали смотрела на нее и радовалась, что они не в одном классе – уж слишком сложная девочка, собирает вокруг себя то одну группку, то другую, пытается быть лидером, покрикивает, хамоватая, и ее одноклассники довольно прохладно, судя

по всему, относятся к попыткам Даши главенствовать и лидировать. Пашу и Верунчика в школе она видела лишь мельком. Три параллели ведь было, близко с другими классами пока не пересекалась. Но сейчас собачиться Ника с ними не будет, даже если они по-другому не могут общаться. В ее классе, например, многие по-другому просто не умеют. Как часто говорит Антон – «знал бы твой прадед, что впереди, он бы войну не выиграл». Да, правда, хорошо, что человек не может знать, что впереди. Вот мама... Ника, как обычно, остановила себя и постаралась отогнать все мысли о матери. Нет, нет и нет. Если начать думать, вот тогда уж точно день пойдет насмарку. Как бы Антон и бабушка, мать Антона, ни пытались объяснить Нике, что матери так лучше, что она ушла в монастырь, прячась от невыносимой боли, Нике это не понятно.

А как же она, Ника? Ей нужна мать. Ника ее любит, ей без Анны плохо, особенно плохо и непривычно было поначалу. Ведь мать есть, она жива, она здорова, она может общаться, говорить, может любить Нику, как прежде, но она не хочет. Ни общаться, ни любить. Она не хочет больше быть ее матерью. Ника виновата... Да, конечно, она виновата, что привела Артема вовремя, даже заранее. Она всегда везде приходит вовремя, не может опаздывать, мать же сама и приучила ее к дисциплине. Надо было дождаться, пока придут другие дети... Но тренер-то уже был! Переодевался в своей комнатке. Как только Артем пробежал весь большой класс, залез на подоконник, быстрый, ловкий, веселый Артем... День был прекрасный, солнечный, пели птицы, Ника отлично помнит, как она шла по улице и у нее было отличное настроение. Как это могло произойти, почему? Может быть, Артем хотел ее окликнуть, может быть, хотел посмотреть, как она идет по улице, зачем он так высунулся? Этот вопрос останется с ней на всю жизнь. Да, она виновата. И поэтому она потеряла не только брата, но и мать. Ника это знает. Но смириться невозможно.

Однажды прошлым летом они с отцом поехали в монастырь, когда мать разрешила наконец ее навестить. Телефоном она больше не пользовалась, отец узнавал о ее здоровье, звонил раз в месяц настоятельнице, чаще та просила не беспокоить. Ника очень хотела увидеть мать, и когда отец вдруг сказал: «Едем в воскресенье», Ника обрадовалась, стала думать, что привезти матери, решила испечь что-то и отвезти ей цветок, который раньше та больше всего любила, он всегда стоял у нее рядом с рабочим столом на подоконнике.

Она часто представляла себе монастырь. Видела по телевизору другие монастыри, ездила пару раз с родителями и Артемом на экскурсии в Подмосковье, в Псков. И совершенно растерялась, когда они с отцом подъехали к старой кирпичной стене, похожей на стену заброшенного завода. Часть кладки осыпалась, когда-то красивая башня на резко заворачивающем углу стены неровно потемнела, как будто ее облил, балуясь, бурой краской какой-то великан. Они оставили машину недалеко и обошли монастырь. Ника смотрела на отца и понимала, что он волнуется. Антон начинал что-то говорить, замолкал, ерошил короткие волосы, беспрестанно поправлял очки, снимал их, надевал снова, то смеялся, то хмурился, взглядывая на часы. Они договорились приехать к трем, а приехали раньше.

– Ника, дочка, я, наверно, не пойду, – неожиданно сказал отец. – Иди одна.

– Пап...

– Сразу не пойду. Ты иди, там... поговори с мамой, а я... потом. – Отец растерянно пожал плечами и отвернулся, пряча глаза. – Ну вот так. Прости меня.

– Пап, я одна боюсь... – Ника держала цветок и в нерешительности смотрела на отца. – Я не знаю...

Антон погладил Нику по спине и протянул ей пакет с пирогом, который Ника пекла накануне вечером.

– Мама рада будет тебя видеть, я знаю. Только... Я никак не скажу тебе... Надо было раньше сказать, но я не знал, как ты отреагируешь...

Ника вопросительно взглянула на отца.

- Обещаешь, что... – Антон замолчал.
- Что, пап? Что такое? – Ника встревожено заглянула ему в глаза.
- Я не говорил тебе... Понимаешь... В монастыре нельзя жить, если у тебя есть семья, муж и ребенок... Поэтому я вроде как брат ее...
- А я кто?
- Племянница.
- Ничего себе... Папа... Ты мог мне дома сказать... А ты давно это узнал?
- Антон не сразу ответил, виновато крутя головой.
- Ну прости. Сразу знал, конечно. Я же мог позвонить в монастырь и сказать случайно что-то не то... Поэтому Анна меня предупредила. Я сам не знал о таких правилах.
- А как же она... Ничего себе... Как же она – всех обманула, да?
- Я... Если честно, я не знаю, дочка. Раз ее взяли... Разрешили, наверно. Не знаю. Но когда я звоню узнать о ее здоровье и передать привет, то говорю, что звонил брат.
- А они не удивляются, что брат так часто звонит? – усмехнулась Ника. – Что? Или ты мне привет от нее передаешь, а сам... – Ника ахнула от своей догадки. – Пап, я права? Никаких приветов мне мама не передавала, так?
- Не совсем... Не время сейчас говорить... Это я виноват, все не знал, как сказать.
- Молодец! – Ника похлопала отца по руке ниже плеча. – Офицерский поступок! Мужественный, честный.
- Не мучай меня, Ника, пожалуйста.
- Ника прижалась к отцу.
- Да, прости. Все хорошо. Я все поняла. Мамой не называть, да?
- Ну... тихо только если. И не плакать.
- Я не буду плакать, – сказала Ника. – Не волнуйся.

Анна молча взглянула на Нику, когда та, увидев мать на лавочке, узнавая и не узнавая ее в черном облачении, робко подошла к ней.

– Привет... – Ника, не зная, как быть, под села к Анне. – Мам... – как можно тише сказала девочка и постаралась заглянуть Анне в глаза.

Мать сидела с плотно сжатыми губами, глядя перед собой. Руки ее, обветренные, с коротко обрезанными ногтями на загрубевших загорелых руках, тоже были сжаты.

– Мамочка... – Ника от растерянности не знала, что делать с цветком, так и держала его в руках.

– Здравствуй, Ника. Как ты живешь? – Мать говорила глухо и, как показалось Нике, с упреком. Цветок в горшке она даже как будто не замечала.

– Я – хорошо. Учусь.

Анна кивнула, не глядя. Ника, растерявшись, добавила:

– Занимаюсь спортом... мам... катаюсь на лыжах... у меня...

– Катайся, – ответила Анна, встала и ушла, не оборачиваясь.

Ника тоже встала, но идти за ней не решилась. Она посмотрела, как Анна ровным шагом, с каменной спиной, опущенными плечами, дошла до поворота к небольшой пристройке, всей закрытой строительными лесами, чуть замедлила шаг, как будто хотела все же обернуться, но не стала оборачиваться, ушла.

Отец стоял уже в каменной арке на входе в монастырь, читая историю монастыря на темной выщербленной стене.

– Ника? – Антон глянул в лицо дочери, обнял ее за плечи. – Давай выйдем наружу, поговорим, потом, может быть, вернемся.

Ника покачала головой, стаскивая большой платок, который она накидывала перед входом:

– Нет, пап. Я больше туда не пойду.

– Плохо маме, да, дочка?

– Наверно, плохо. Не знаю. Она не захотела со мной говорить. На, возьми, – Ника протянула отцу пакет с пирогом и цветком.

Антон взял у нее все и с грустью посмотрел на дочь. Откуда ей взять столько сил, чтобы еще и пожалеть мать, которая вот так оставила ее. Да, Анне трудно. Но есть же Ника, ей ведь она нужна. Антон не может заменить ей мать, хотя очень старается, чтобы Ника не чувствовала себя одинокой. Но о каких-то вещах он не может с ней говорить. Да и не в разговорах дело. Самому лучшему отцу матерью не стать, что тут объяснять.

– Пойдем. – Не отпуская плечо дочери, Антон вышел вместе с ней на улицу. – Хороший день какой. Да?

Ника молчала.

– Да? – мягко и настойчиво переспросил Антон.

– Да, пап. Очень хороший день. Божий. – Ника усмехнулась.

– Ника... – Антон крепко прижал дочь к себе. – Бог тут ни при чем.

– Ничего не скажет маме он, как ты считаешь? Не поругает ее? Она же здесь так близко к Богу.

– Не надо, пожалуйста, не говори лишнего.

– Я вообще не верю! Раньше не верила, а теперь тем более.

– Хорошо, хорошо, дочка, пожалуйста... Хочешь, искупаемся?

– Прямо здесь? Ты издеваешься?

Ника вытерла слезы, с силой записнула салфетку в карман.

– Смотри, Ника, – отец погладил ее по коротким вьющимся волосам, заправил непослушную прядку за ухо, которая тут же выбилась обратно, – на самом деле какая красота, чудесное озеро. Вот, кажется, люди купаются. Собак своих купают... Рыбачат... Там вон выход отличный к воде...

Ника покачала головой:

– Если ты к ней не пойдешь, пап, то поедem, пожалуйста. Мне здесь тяжело.

– Понимаю. Хотя место, конечно, намоленное... Так здесь как-то... легко дышится вроде... Кому как, да, дочка? – Антон постарался взять Нику за руку, но она скрестила руки на груди. – Вообще хорошее место. Надеюсь, Аня тоже видит это. И это ей помогает.

– Не помогает ей ничего, пап. Все то же, что и было.

– Наверно, ей поможет Бог, дочка.

– Не поможет, пап! – в сердцах сказала Ника. Отец не понимает, что ли? Или не хочет видеть правду? Или же с ней не хочет говорить искренне. – Она не к Богу ушла, а от нас с тобой! Ты прекрасно это знаешь. И вообще от мира.

– Мы это уже обсуждали, Ника. – Антон говорил мягко, но твердо. – Ты знаешь мое отношение. Я тоже считаю, что Аня делает только хуже и себе, и нам, но, наверно, она так не считает. Ей невыносимо жить, как прежде. Ей слишком больно. Раз она не уехала ни через неделю, ни через месяц, здесь ей лучше. Тебе ведь жалко ее?

– Мне себя жалко, пап.

– Неправда. – Антон прижал к себе голову дочери. – Тебе жалко ее. Просто тебе обидно.

– Мне кажется, ей с нами было бы лучше.

– И мне так кажется, дочка. Но мы оба неправы. Иначе бы мама вернулась. А здесь она нашла себе какое-то применение. И, возможно, успокоение.

– Нет, – упрямо покачала головой Ника. – Ты ее не видел. Сходи, поговори с ней. Ты же хотел что-то ей сказать.

– А как ты думаешь, она хочет меня видеть?

Ника посмотрела на отца. Так спрашивает, как будто хочет услышать ободряющий ответ. Спрашивает, как будто сам не взрослый. А она точно знает, что мать ушла навсегда. Что она как будто умерла для них. Вот она есть – и ее нет. Ника отвернулась.

– Ясно. Ну... я все-таки попробую. Да? Ты пойдешь со мной или подождешь здесь?

– Здесь подожду, пап, пофотографирую.

Антон вошел на территорию монастыря и огляделся. И где же ему искать жену? Они договорились с настоятельницей, что приедут ровно в три. Ника как раз пришла вовремя, Анна ждала ее, а теперь – где она? Где ему ее искать?

Антон походил по дорожкам, вглядываясь в каждую монахиню. Он, конечно, узнает Анну, но в этих черных одеждах они как-то все похожи одна на другую... Антон поднялся по высокой лестнице в главный храм, двери которого были открыты. Храм реставрировался снаружи, но внутри было чисто, лесов не было, несколько мирян тихо стояли у икон.

Антон огляделся. Нет, Анны здесь нет, всего одна женщина в черном, и та, скорее, не монахиня, а лишь помогает, чистит подсвечники. На руке у женщины Антон заметил обручальное кольцо. Анна оставила свое кольцо дома. Считает ли она его мужем? А ему кем себя считать? Вдовцом? Его жена ушла из мира, но жива. Просто живет в другом мире. Вроде в разводе с ним. Но он-то с ней не разводился. Он как будто женат. Просто жена болеет. И здесь, в этом месте, находится как в духовной лечебнице, на излечении. Конечно, ей же нужно лечить душу... Сколько времени займет это лечение, никто не знает.

Антон купил несколько свечей, поставил у тех икон, где было место в подсвечниках. Отношения с религией у него складывались своеобразно, верить ему было трудно, а не верить совсем невозможно. После гибели Артема он бы, возможно, сам пришел в церковь, если бы Анна не спряталась от него и, главное, от Ники в монастыре. Нику он просит жалеть Анну. Самому ему жалко жену, очень жалко. Но сейчас появилось новое чувство. Он видит, как тяжело Нике, как она зажимается, закрывается, обороняется от внешнего мира, он ей часто кажется враждебным, и происходит это оттого, что Анна навесила на девочку чувство вины и ушла от нее. А Ника ни в чем не виновата, Антон уверен в этом. Кто виноват? Никто. Жизнь. Так вышло. Почему? Знает Бог, в которого, наверно, верит Анна и с большим трудом и оговорками верит Антон.

Он постоял у большой иконы Богородицы, никак не мог отойти. Какие-то новые мысли возникли у него в голове, как будто ему отвечали на те вопросы, которые он не задавал. «Ты должен помочь и Анне, и Нике. Ты должен простить Анну, не корить ее. Ты сильнее, Анне нужна твоя помощь...»

Антон пожал плечами и вышел из храма. Игры подсознания. Его и без того некрепкая вера только еще больше пошатнется от таких мыслей. Это его собственные мысли, которые его же голова предлагает ему. Как так может быть? Моя голова предлагает мне какие-то мысли, которых у меня десять минут назад и в голове не было. Я сам удивляюсь собственным же мыслям. А где тогда я? Не там, где моя голова? Абсурд. Невозможно. Это невозможно постичь. Наверно, именно так и приходят люди к вере. То, что не поддается осмыслению, то, что за гранью разума, – чудесное, а, значит, чудо есть, Бог есть. Ведь кто-то разговаривал с ним у иконы!

Задумавшись, Антон натолкнулся на монахиню, спешащую навстречу, не поднимая глаз.

– Простите, – сказал Антон.

Та мельком посмотрела на него. Вполне милое, румяное лицо, живые глаза, даже лукавые. Надо же. Ободренный ее взглядом, Антон спросил:

– Вы не знаете, где найти Анну? Посл... – Антон замялся. Как-то не выговаривается это. Как странная, жестокая игра. Но все-таки договорил: – Послушницу Анну... Высокая, с темными волосами...

– Анну-то? – почему-то усмехнулась монахиня. – В гости или как?

– В гости... – Антон немного растерялся.

Как с ней разговаривать? В таком же веселом духе? Сказать, что он бывший муж, как Анна теперь считает? Антон потер лоб. Да нет, ну как же... Ведь он настоятельнице звонил, как старший брат Анны...

– Посмотри вон там, – монахиня кивнула, больше ничего не спрашивая, в сторону сада с деревьями. – Поливает она.

Антон пошел, куда указала ему монахиня. Как-то все это не укладывается в голове. Дома не укладывается, а здесь – тем более. Он не может воспринимать это серьезно. Для него и Аня здесь, и все остальные – как некое представление, роли, которые эти женщины себе выбрали, не справившись или не согласившись с другими своими ролями, предложенными им жизнью. Но, наверно, они имеют на это право. Особенно те, у кого нет детей. А у Ани – есть. И именно об этом Антон хотел сказать Анне. Он писал об этом, но не был уверен, что Анна читает его письма, ни одного ответа от нее не было.

Глава 4

– Ника! – Даша так громко гаркнула, что сразу несколько птиц взлетели с веток.

Ника оглянулась и остановилась, увидев, что по склону, сокращая дорогу, кубарем спускаются все ее товарищи. Первой Даша, за ней Верунчик, потом Кирилл и в конце всех Паша.

– Ну, чего ты? – Даша, на удивление ловко преодолев крутой спуск, подошла к ней и неожиданно погладила по руке. Рука у Даши оказалась влажноватой и тяжелой. – Ты из-за воды, что ли? Я вчера просто ужин у Верунчика съела, Верунчик сидел кислый, о тоске своей думал, мне ужин отдал, да, Верунчик? А ты помнишь, на ужин была селедка, привезли из поселка. Ну и вот, я пить очень хочу. Я сказала Олегу, не переживай. Он разрешил. Вот, я эту воду даже допивать не стану, хочешь, вылью остаток?

– Да не только из-за воды... – Ника пожалала плечами. – Все ругаются. А я так не хочу. И Паша матерится...

– Ему мы сейчас мозги прочистим. Пашок! Ну-ка! Сюда подойди! – Даша подождала, пока Паша спустится. – Предлагаю решить, кто идет дальше.

– В смысле? – удивился Паша. – Все идут.

– Не-а. Вот один человек отделился, Ника, она хочет одна идти, потому что мы нарушили условия. Я взяла воду, и еще ты, Пашок, нарушаешь наши правила, ругаешься.

Паша покривился.

– Ладно, я понял. Заткнулся уже. Молчу.

– Ну что, будем голосовать? – Даша оглядела всех и дождалась, пока Кирилл, фотографирующий большой камень с живописным лишайником, взглянет на нее тоже.

– Не надо, – покачала головой Ника. – Я не люблю голосования.

– Почему? – Кирилл посмотрел ей в глаза, и Нике показалось, что он спрашивает о чем-то другом, непонятном ей пока.

– Не люблю насилия.

– Спортсменка! – засмеялся Паша и осекся под Дашиным взглядом. – Да я вот... хотел сказать – там у них одно насилие, в спорте.

– Да ты что? – удивилась Ника. – Я в свое удовольствие занимаюсь. И не о спорте речь. А о том, что те, кто в меньшинстве остались, вынуждены подчиняться тому, во что они не верят, чего не хотят, презирают...

– Можно в Америку эмигрировать! – засмеялся Кирилл. – Чтобы не подчиняться!

– Ты вообще, что ли? – Даша покрутила пальцем у виска. – При чем тут Америка?

– Ну тогда в Чехию хотя бы... Если американцев не любишь...

Ника засмеялась.

– Мысль правильно поймал.

– Ой... – Вера, молчавшая до сих пор, тихо ойкнула и хотела спрятаться за Дашу.

– Стой... – прошипела Даша. – Не двигайся, она у тебя под ногой.

Ника увидела, как длинная, голубовато-зеленая змея, извиваясь, поблескивая, медленно-медленно ползет, ровно огибая ноги Верунчика. Вот оползла вокруг одной, потом стала обвивать другую.

– М-м-мамочка... – Вера, бледная от страха, умоляюще смотрела на Дашу.

– Стой, где стоишь, ничего не мурлыкай и не пищи. А то она подумает, что ты птенец и...

Паша хмыкнул. Под ногой у Кирилла, который, не видя, что происходит, резко шагнул к ним, хрустнула ветка. Змея замерла. Даша показала Кириллу, чтобы он остановился. Змея вдруг сделала странное движение, слегка приподнялась, качнулась в сторону Вериной ноги, Вера опять ойкнула, змея молниеносно ускользнула в траву. Вера схватилась за ногу.

– Что? – Даша встревоженно посмотрела на нее. – Что там у тебя?

– Укусила... – Вера, бледная от страха, смотрела на подругу.

– Ну-ка, показывай. Через штанину, что ли?

– Да... Кажется... Вот тут ногу больно.

– Засучи штанину, быстрее...

Вера наклонилась и неожиданно упала.

– Да что такое... – Даша присела рядом с ней.

Ника тоже в испуге склонилась к девочке.

– Обморок, кажется...

Даша быстро открыла бутылку с водой, смочила Вере лоб, засучила брючину, стала искать след от укуса. Вера приоткрыла глаза и застонала.

– Надо яд отсосать, а то я умру... – проговорила она.

– Так, хорошо, что очнулась... – Даша покачала головой. – Пацаны, сюда идите, давайте ее посадим на камень, нечего на земле лежать.

– У меня там яд... – Вера смотрела на Кирилла, который в некоторой оторопи стоял поодаль.

Паша вместе с Дашей приподняли Веру и попробовали усадить. Та падала.

– Верунчик... – Даша что-то прошептала Вере на ухо.

Вера обиженно посмотрела на подругу.

– Ты дура, – сказала она и сама села. – Я сейчас умру от укуса змеи. У меня поднимется температура, и я умру. И вы будете виноваты.

– Покажи мне свой укус, и я подумаю, что с ним делать, – сказала Даша, опуская Верину отвернутую штанину. – Так, мы, кстати, сбились с маршрута, побежали за Никой.

Кирилл, мало обращая внимания на Дашу и Веру, подошел к Нике. Паша тут же подошел с другой стороны.

– Ты не устала? – как бы вскользь спросил Кирилл с совершенно отсутствующим видом, со стороны можно было подумать, что он думает о чем-то своем.

– А то чё? – прищурился Паша, который прекрасно слышал вопрос. – Возьмешь ее на ручки? Вот, рюкзак ее можешь понести.

– Просто я сам устал, вот и спрашиваю.

Ника молча посмотрела на обоих мальчиков, сдернула свой рюкзак с Пашиного плеча и кивнула Даше, внимательно наблюдавшей за всей этой сценой с едва заметной усмешкой.

– Ты ведь знаешь, куда нам идти?

– Очень приблизительно. Понимаю, что нужно обогнуть ту вершину справа, но по какой точно тропинке, не знаю. Олег вчера показывал на карте, но что-то пока не похоже, что мы правильно идем. Должен быть сильный изгиб тропинки, потом резко вверх, а ничего такого нет.

– Так давайте по карте посмотрим! – сказала Ника. – У кого карта?

Подростки посмотрели друг на друга.

– Не, я карту даже не видел, – замотал головой Паша.

– Вчера же всем показывали!

– Так он вчера еще не собирался идти!

– Ладно, у кого карта? – Даша взглянула на Верочку. – Тебе же Олег давал ее?

– Нет...

– Как нет, Верунчик, соберись!

– Ну мне, – вздохнула Верочка, поправляя все время сползающие на нос очки. – Только я ее что-то найти не могу... Наверно, у меня ее украл.

– Кто у тебя мог карту украсть? Что ты несешь! – Даша начала решительно вытряхивать Верин рюкзачок на траву. Покатались помада, конфеты, две помятые сливы, теплая футболка, испачканная сливами, зажигалка, сигареты.

Даша глянула в полупустой рюкзак, отставила его в сторону, выразительно взглянула на Верочку:

– Ты куришь, малышка? С каких пор?

– Не, – смущенно заулыбалась Верочка. – Я побаловаться взяла. Там... пацаны, может, покурят...

Даша посмотрела на мальчиков. Кирилл с невозмутимым видом фотографировал, Паша хмыкнул:

– Я завязал! Я в пятом классе курил. Однажды иду... – Он сам начал смеяться, рассказывая.

– Закройся! – махнула на него Даша. – Ну и где карта? – приступилась она к Верочке, которая тем временем подошла к Кириллу и молча смотрела, как он увлеченно выбирает ракурс для фотографий.

– Я же говорю – украли! – жалобно сказала Верочка.

– Ну ты дура... – покачала головой Даша. – И как только я с тобой дружу! И что мы без карты будем делать?

– Да не заблудимся, все же понятно... – не очень уверенно сказал Кирилл.

– Не, мы так не договаривались! – заговорил Паша. – Я вообще тогда обратно пойду.

Даша фыркнула.

– Давай. Дорогу найдешь?

Паша с сомнением оглянулся.

– Ну-у... в общем, да. Ник, ты со мной? Как эти будем... диссиденты...

– Диссиденты! – поправил его Кирилл с усмешкой.

Ника пожала плечами и отвернулась.

– Ну ладно, – громко вздохнул Паша. – Тогда я тоже остаюсь. Жалко, пожрать нечего. Условия дурацкие... Ягоды... Где они? Олег говорил – ягодами питаться... Может, гнездо какое разорим? Яиц сырых... это... поесть можно... Я читал, я на такую группу подписан, могу даже в пустыне один выжить... Что? – Он посмотрел на смеющуюся Нику. – Не веришь?

Ника махнула на него рукой.

– Принести яиц? – стал заводить Паша. – Принести? Я найду.

– Нет, не надо. И не вздумай.

– А как же мой укус? – жалобно спросила Вера. – Все уже забыли? У меня болит вот тут. Прямо раздрает ногу... Дергает... Не могу...

– Вообще-то опасно... – нахмурилась Ника.

– Давай, показывай еще раз! – Даша встала руки в боки около подруги.

– Там, где укусила?

– Да, там где укус и яд.

Вера оглядела всех своих товарищей, жалобно вздохнула, сорвала какой-то листочек, послунявила его и приклеила на щиколотку.

– Все, буду терпеть. Не буду на себя столько внимания отвлекать. Кирюш, сможешь мне идти? А то я прихрамываю пока... Ногу тянет...

Кирилл подошел к девочке, растерянно оглядываясь на остальных. Даша подмигнула ему, Ника просто пошла вперед по тропинке.

– Кирюш, Кирюш, – понизив голос, заговорила Вера. – Вот, знаешь, когда я училась в восьмом классе, у нас было два мальчика, вот они оба меня любили и так дрались из-за меня... Один другому ухо оторвал, прям совсем почти, наполовину, крови столько было... А тот, знаешь, меня спрашивает: «Будешь моей девушкой?» А я такая говорю: «Не зна-а-ю пока... Еще не реши-ила...» А чё я ему, сразу, что ли, соглашусь? Ну правда, чё он...

Цепко держа Кирилла за руку выше локтя, Вера ненароком прижималась к нему и, то и дело смеясь собственным словам, на ходу продолжала говорить:

– А тот, который с оторванным ухом... Он тоже, знаешь... Написал на асфальте под моим окном, у нас дом такой большой, новый: «Вера, я тебя люблю...» Ну, понимаешь, да? И весь дом думал – что это за Вера... А это я!.. Такая маленькая хожу, никто меня и не видит... А из-за меня пацаны разодрались...

Кирилл молча все это слушал, потом аккуратно снял Верину руку.

– Ты что? – обиделась Вера. – Я идти не могу, понимаешь? Ногоу разрывает... Простреливает...

– Я... сфотографировать хочу... – От неловкости Кирилл покраснел.

– А, ну ты фоткай, фоткай, а я за тебя держаться буду, хорошо? – Верочка, не дожидаясь ответа, смело взялась сбоку за штрипку его джинсовых бриджей. – Вот так буду идти, ладно? Кирюш... Ты такой большой, сильный... Я сразу, когда тебя увидела, поняла, что ты очень сильный...

– Верунчик, подойди ко мне! – окликнула Даша подругу.

– Не, не могу, – слабым голосом ответила Вера. – Мне Кирюшка не разрешает.

Кирилл растерянно оглянулся на Дашу. Та выразительно скривилась.

Ника ничего этого не слышала, ушла далеко вперед.

Они довольно долго поднимались по тропинке, пока та совсем не сузилась и ветки кустарника не загородили проход.

Ника, которая все время шла самая первая, остановилась и дождалась, пока ее догонят остальные.

– Кажется, мы немножко сбились.

– Так потеряться же невозможно, – неуверенно сказал Паша. – Ясно, где море, а мы должны идти так, чтобы море оставалось сзади...

– Тебе ясно, где море? – усмехнулась Даша. – А мне вот нет. Отсюда вообще ничего не видно и не ясно. Мы крутились, крутились и что-то как-то... зашли не туда, мне кажется. Странно, вообще-то тропинка должна обязательно куда-то вести.

– Может, без вещей дойдем до открытого места? – предложила Ника. – Кто-то один... или вдвоем... Кстати, кто должен был взять компас?

– У меня в часах есть, – сказал Паша. – Только я часы не взял. Не люблю, когда часы на руке, отстой.

– Молодец! – покачала головой Даша. – Компас... Кирюха, ты как? Тебе ж сказали взять?

– Я думал, тут все понятно, зачем компас. По солнцу, по морю всегда можно сориентироваться... Зачем лишние вещи брать... Мы пойдем с Никой на разведку.

– Идите, – кивнула Даша. – По мху, кстати, самый верняк ориентироваться!

– Я тоже пойду, – тут же вызвался Паша. – Я по мху умею.

– Не, Пашок, ты с нами побудь. Змей отгонять будешь. Мха там нет, куда они идут. Там только... розы с шипами, да, Никыч? – Даша подмигнула Нике, та лишь пожала плечами:

– Какие розы, ты что несешь?

– А сорт такой... – прищурилась Даша. – Спортивные розы, коллекционные... Пацаны такие любят.

– Сложно говоришь, Даш! – отмахнулся Паша. – Не придумывай ничего! В горах роз нет, дикие разве что... И то вряд ли.

– Так они вполне дикие, эти розы... Да, Никыч? – Даша опять подмигнула Нике, та засмеялась.

– Да, Даша. Дикие, коллекционные и спортивные. Всё в точку. И пацаны любят.

– Кирюша, давай я с тобой пойду... – Вера, которая мало вслушивалась в разговор Даши с Никой, снова прильнула к Кириллу, тот слегка отстранился.

– Посиди тут. – Даша рывком притянула подругу к себе, так, что та, потеряв равновесие, чуть не упала. – Я тебе пока ногу крапивой натру...

- Зачем? – испугалась Вера.
- А это самое лучшее противоядие от змеиного укуса! Ты не знала?
- У меня уже почти не болит...

Ника оставила свой рюкзак около Даши и пошла вверх по сильно изгибающейся тропинке, отстригая руками ветки кустарника с красивыми, ажурно изрезанными листьями. Кирилл, догнав ее, пошел сзади. Некоторое время они так шли, потом Кирилл молча обогнал ее и пошел первым. В самых неудобных местах он протягивал ей руку, Ника не отказывалась. Почему бы и нет. Это просто по-товарищески. Так легче идти по крутому подъему или по узкой, осыпающейся вниз, куда даже страшно взглянуть тропке. Руку он задерживал потом чуть дольше, чем это требовалось. В городе она, может, и не пошла бы с ним за руку, а в горах, когда идти трудно...

– Давай немножко посидим, – сказал Кирилл, когда они дошли до небольшой площадки, на которой скала выходила широким плоским уступом.

- Нас ребята ждут, – сказала Ника. – Нет, давай дальше пойдем.
- Они тоже отдыхают, не переживай. Ты разве сама не устала?
- Нет, я привыкла к нагрузкам, – пожалала плечами Ника.
- А так по тебе не скажешь, что ты спортсменка...
- В смысле?
- Ты такая... – Кирилл неопределенно показал руками и от смущения засмеялся. –

Такая...

– Ладно, проехали! – Ника махнула рукой. – Дашка же сказала – дикая спортивная роза, причем с толстыми шипами. Я – волевая и сильная. И выносливая. Вот такая. Ты это хотел сказать?

- Нет... – Кирилл стоял близко к ней и не отходил.

Ника сама обошла его и села на камень.

- Ну, садись давай, раз устал. Я могу еще часа два без остановки идти.

– Я пить хочу.

– И я хочу. Ну и что?

– Я из-за тебя пошел, – неожиданно сказал Кирилл. – Так бы не пошел ни за что.

– Ну... – Ника не знала, как на это реагировать. – Хорошо.

Симпатичный, невероятно симпатичный Кирилл был слишком мягким. Все время хотелось сказать: «Спину выпрями, выше нос, говори твердо, слова не размазывай... Что ты такой нюня?» Но она говорить ничего не стала.

– Ты ГТО будешь сдавать? – вместо этого спросила она мальчика.

– ГТО? Не знаю... А зачем? Чтобы баллы дополнительные получить для поступления, что ли? Сколько там баллов прибавляют, ерунда какая-то, один или два... А ты?

– Я уже сдала, – засмеялась Ника.

– Какой значок? Золотой?

– Золотой.

– Здорово... – Кирилл с восхищением смотрел на нее. – Я... тоже... Я, знаешь, подтянуться могу... сорок раз... и это... отжаться... тоже...

– Сто сорок, да? – засмеялась Ника. – Так, ладно, пошли. Ты отдохнул?

– Нет еще. – Кирилл передвинулся поближе к Нике. – Ты похожа, знаешь... Я читал исландские саги... Там женщины такие...

– Какие?

– Резкие и... ну, в общем... красивые.

– Я красивая, я знаю, – кивнула Ника и встала.

– То есть... – Кирилл растерянно встал за ней. – Я просто так говорю... Я красоту вообще люблю... Ты обиделась?

– Пошли!

Кирилл послушно потопал за Никой, стараясь идти как можно ближе к ней. Ника обернулась.

– Не наступай мне на ноги. И не дыши в затылок.

– Хорошо, – кивнул Кирилл, но не отстал.

– Ты слышишь? – засмеялась Ника, не останавливаясь.

Кирилл ухмыльнулся и дотронулся до ее волос.

– Как у лошадки...

– Ты что, вообще, что ли? – Ника от неожиданности фыркнула.

– У меня игрушка такая была... Мне подарили в два года. Сначала она была больше меня, в детстве... потом становилась все меньше и меньше, это было как чудо...

– В детстве!.. Ты и сейчас в детстве.

– Нет. – Кирилл шагнул вперед, встал перед Никой. – Нет.

Ника тоже остановилась, посмотрела на него снизу вверх. Кирилл молчал, стоя перед ней, совсем близко, но не прикасаясь к ней. Ника видела, как краска постепенно заливает его лицо, от скул, выше, к вискам, к носу. Ника покачала головой и попробовала обойти его по узкой тропинке.

– Подожди. – Кирилл остановил ее за руку, неловко сжав локоть.

– Что? – Ника подняла на него глаза.

– Я... хотел спросить просто...

– Спрашивай.

– Ну что ты так... – Кирилл с досадой отпустил ее руку.

– А как надо? – засмеялась Ника. – Как Верунчик? Повиснуть на твоём плече, обвиться вокруг и шептать тебе, какой ты brutальный?

– А ты слышала? – удивился Кирилл.

– Не трудно догадаться было. По ее блудливому виду.

– Ты жесткая.

– Нормальная. Пошли. Я жуков боюсь. А когда мы стоим, кто-то начинает на ноги лезть.

– Ну вот хоть чего-то ты боишься!

– Я много боюсь, почему? – пожала плечами Ника, решительно поднимаясь по тропинке. – Слушай, а там, кажется, дальше нет дороги. Смотри, вон до той площадки идет тропинка, а дальше нет...

Они обернулись вниз.

– А... по какой дорожке мы пришли – после кустов она разделяется вон там внизу, видишь? – Кирилл растерянно показал на развилку. – По левой или по правой?

– Не знаю, если честно... Мне кажется, мы не шли около той белой скалы...

– Шли! Я там еще про ГТО тебя спрашивал...

– Кто кого спрашивал... – пробормотала Ника. – Но это неважно. Важно, что, кажется, мы слегка заблудились. Вот, кстати, ягоды какие-то... Только я не знаю, можно ли их есть. На жимолость похоже... Лучше не рисковать... Может, обратно пойдём? Дальше дороги нет.

– Давай попробуем перелезть через эту скалу? Там, наверно, есть спуск.

– А если нет?

– Посмотрим, не стоять же здесь.

Ника, ободренная, что Кирилл проявил хоть какую-то твердость, сама не зная, что делать, кивнула.

– Ну, давай.

Кирилл с трудом, но все-таки залез первым, протянул ей руку, втащил девочку на крохотную площадку. Ника сделала несколько снимков.

– Потрясающе красиво. Вот еще попить бы, и можно так целый день идти. Если знать, куда идти, не метаться. Глупо так с картой вышло...

– Вера, кстати, дольше всех занимается в клубе, самая опытная.

– Оно и видно! Как можно было карту забыть? Самое главное в походе! – засмеялась Ника, стоя так близко к Кириллу, что слышала, как бьется его сердце. Это было волнительно и немного тревожно. Ника хотела отступить в сторону, но чуть не упала.

– Осторожно. – Кирилл снова протянул ей руку, сам перелез выше, помогая девушке тоже подняться. – Черт, я думал, мы отсюда увидим море. Нет... Ведь оно должно быть вон там. Смотри, солнце идет по небу слева направо, сейчас около десяти часов... Жаль, что связи здесь нет. Так бы позвонили Олегу...

– И что сказали бы? Что мы заблудились? Ну уж нет. Да, солнце идет вот так... – Ника посмотрела на небо. – Значит, море должно быть где-то левее... Но за горой мы все равно не увидим. А лагерь... – Она растерянно оглянулась. – А лагерь где-то там... Правильно? А ребят мы оставили вон за теми деревьями, ниже и правее, да?

– Да, только ниже и левее.

– Точно?

– Точно... – неуверенно ответил Кирилл. – Вернемся?

– Да, давай вернемся. Или лучше... еще чуть-чуть пройдем. Я не привыкла сдаваться и проигрывать.

– У тебя мама работает? – неожиданно спросил Кирилл.

– Мама? – Ника отвернулась и стала рассматривать живописную скалу, которая возвышалась неподалеку. Как будто здесь работал скульптор. Вот можно увидеть профиль, горбоносый, насупленный, лучше пусть он не поворачивается к тебе, можно себе представить, какой у него грозный взгляд, а вот летящая птица, с огромными широкими крыльями, пикирует вниз, вот чей-то сжатый до боли кулак, вот пошатнувшийся крест... – Почему ты спрашиваешь?

– Да как-то... Не знаю... Какая-то мысль пронеслась... Знаешь, иногда бывает, мысли сами появляются, не знаешь откуда...

– Работает, – спокойно ответила Ника. – Моя мама, разумеется, работает.

– А моя нет. У меня же еще старший брат есть и младшая сестра. Мама нас растит. А твоя? Кем работает?

Ника помедлила и ответила:

– Тележурналистом.

– Да? Интересно как. А...

– Пошли, – резко сказала Ника. – Ты Камю читал?

– Камю... Да, читал. Конечно, читал!

Ника иронически посмотрела на Кирилла.

– Ясно. Это французский писатель двадцатого века, родился в Японии. Я люблю все японское... Не важно. У него есть такое выражение: «Не надо идти позади меня, я, возможно, не смогу повести тебя. Не надо идти передо мной, я, быть может, и не смогу следовать за тобой. Просто иди рядом...»

Ника помедлила и не стала договаривать конец фразы: «И будь моим другом».

– А там что-то еще было дальше? – спросил Кирилл, почувствовав ее неуверенность.

– Нет. Точка.

– Здорово... А почему ты про мать так говоришь? Как-то уклончиво. Не любишь ее? У вас плохие отношения?

– Нет, все хорошо. Только... – Ника сбоку посмотрела на Кирилла. Так хочется рассказать, так хочется, чтобы кто-то стал близким и надежным другом... Но как рассказать о том, что произошло в их семье?

– Осторожно! – Кирилл вовремя подхватил Нику за руку, когда она оступилась и чуть не полетела носом вниз.

– Спасибо...

Он не отпускал ее руку, так и шел, держа за запястье и поглядывая на нее время от времени.

Через некоторое время, когда они вышли на более ровную тропинку, Ника освободилась от его руки и посмотрела вокруг.

– Слушай, боюсь говорить, но, кажется, мы заблудились...

– Нет. – Кирилл остановился. – И что мы будем делать? У нас воды нет, ничего нет, веревки нет...

– Зачем тебе веревка? – засмеялась Ника. – Как Паше? Повеситься, что ли? Плохо, что ребята нас ждут. А так бы можно было просто обратно в лагерь морем прийти. Море... – Ника не очень уверенно показала перед собой, – вон там.

– Подожди... – Кирилл неожиданно обнял ее за шею. – Я... вот...

Ника, не зная, как ей быть, замерла. Он ей нравится... наверно... ей приятно его прикосновение. Но... Это все произошло так быстро... Разве так бывает? Бывает по-разному, конечно... Она не должна сейчас так с ним стоять... Что бы сказал отец? Она вообще ничего никому не должна... Мысли ее скакали, сердце стучало, лицо этого мальчика, которого она совершенно не знала, было слишком близко. Ника видела родинку на щеке у носа, пробивающиеся светлые усы, еле-еле пробивающиеся, не больше, чем у Даши или Верунчика, чуть разные брови, длинные ресницы, и очень красивые глаза, глубокого темно-голубого цвета. Не бывает таких глаз, как будто в них сейчас отражается небо, ясное, утреннее, лазуревосинее...

Ника все же отступила назад, и Кириллу пришлось снять руку. Он отвел глаза, Ника засмеялась.

– Все хорошо!

– Да? – Кирилл неуверенно взглянул ей в глаза.

– Конечно. У меня тоже была игрушка, похожая на тебя.

– На меня? Какая?

– Пупс. Я его звала Сашей. Сначала не вдумывалась, девочка это или мальчик. Потом он стал мальчиком, моим сыночком. А потом девочкой. Я ее наряжала, причесывать нечего было, пупс был лысым.

Кирилл хотел обидеться, нахмурился, надулся, но улыбка сама растянула его губы, и он невольно рассмеялся. Ника тоже улыбнулась.

– Я думаю – почему глаза такие знакомые? Просто на пупса моего любимого мальчик похож.

– Все, хватит! – воскликнул Кирилл. – Я уйду сейчас!

– Куда? – прищурилась Ника. – Один в горы? Мы и так заблудились. Пошли мы как-то в горы... Я и мой пупс...

Кирилл, обижаясь, все равно смеялся, восхищенно глядя на Нику, покрасневшую от быстрого шага, легкую, решительную, неожиданно улыбающуюся каким-то его словам, и он все старался говорить, говорить, все подряд, все, что знал, чтобы снова увидеть ее быстрый веселый взгляд и услышать искренний смех.

Глава 5

Антон помедлил и пошел в ту сторону, куда ему указала монашка.

Жену он узнал сразу. Ровная спина, широкие плечи, горделиво вскинутая голова на длинной шее. Так было когда-то. Сейчас Анна стояла, опустив голову, ниже, чем нужно было для того, чтобы смотреть на шланг. Она поливала из шланга деревья, а смотрела как будто на свои ноги или на что-то, что было под ними. Разглядывала землю. Внимательно, не отрываясь. Антон видел, как вода начала течь от яблони в разные стороны, земля не могла сразу принять столько воды. Затекла Анне под ноги, намочила черные глухие ботинки, в которые та была обу-та в теплый солнечный день. Анна, словно совсем не замечая воды, так и стояла, вытянув застывшую руку со шлангом.

– Аня, – позвал ее Антон, негромко, почти уверенный, что она не услышит. Он увидел, как дрогнуло у нее плечо. Анна отвела шланг и обернулась, не скоро, всем корпусом, вода при этом лилась на траву, попадая ей на ноги.

– Аня, воду выключи или... Давай я помогу... – Антон, не здороваясь, подошел близко, взял у нее из рук шланг. – Где выключается вода?

Анна, как будто не понимая, о чем он спрашивает, молча смотрела на него.

– Здравствуй, Аня, – сказал Антон. – Давай выключим воду, поговорим.

– Хорошо, – кивнула Анна. И ушла в сторону длинного одноэтажного белого здания с маленькими окошками.

Она шла, не оборачиваясь, и Антону показалось, что она больше не вернется.

Вода так и продолжала течь из шланга, Антон перешел к другой яблоне и стал ее поливать, потом к соседней, дальше шланг уже не протягивался. Минут через десять, не зная, что ему делать с водой, он положил шланг так, чтобы вода текла в сторону от дорожки, хотя бы просто на траву, попадая сразу на две яблони, и пошел в ту сторону, куда только что ушла его жена, точнее, женщина, которая когда-то была его женой.

В нерешительности остановившись перед дверью в белое здание, Антон достал телефон и позвонил Нике:

– Дочка, в общем... я тут маму видел...

– Ушла? – кратко спросила Ника.

– Она... Да, но она сейчас придет.

– Не придет, пап, выходи.

– Хорошо. Я скоро.

Антон медленно шел вдоль окон, не заглядывая в них. Может быть, там кельи монашек? Или какие-то помещения, в которые тоже не стоит заглядывать. Что еще тут может быть? Он пробовал читать о монастырях, через некоторое время, когда Анна ушла, но про этот монастырь подробно написано не было. Построен в семнадцатом веке, заброшен в двадцатых годах, ни складов, ни фабрики, ни клуба в нем не было, стоял разоренный, со снятыми крестами, в девяносто шестом началось освоение его заново. Два года назад туда ушла его Анна, чтобы утешить свою боль, которая не проходила и не утихала. Его мать просила сфотографировать монастырь, просто чтобы представлять, где теперь Анна, но Антон решил внутри территории не делать снимков. Он же не праздный турист. Он... Кто он? Родственник монахини. Для всех – брат, а на самом деле муж. А муж – это родственник? Если есть общие дети, то да, родственник. Как-то раньше он вообще о таком не думал. Жизнь шла своим чередом и неплохо шла. Все получалось, и работа, интересная, которая к тому же могла прокормить семью, и прекрасная семья. Сын, дочь... А два года назад все пошло под откос. Почему, за что... Его слабая вера в Бога еще больше пошатнулась. Слов «испытаний по вере и по силам» он не понимал и никогда, наверно, уже не поймет. Жестоко и странно. Значит, кто в Бога не верит, того и не

испытывают? Что за ерунда. Тому и испытаний не шлет, тому, значит, по определению живется лучше. То есть, если продолжать логический анализ – не верь, и ни испытаний, ни лишений тебе не будет. Что тебя испытывать, ты и так слаб. Логика и размышления в вере не нужны, а Антон по складу своего ума не может не размышлять и не искать логику. Ну и как ему быть?

А конкретно сейчас – как ему быть?

Он столько раз представлял себе этот разговор. Ему казалось, что от встречи с Анной многое должно измениться. Не может же она вечно оставаться в монастыре. Тем более настоятельница просто и ясно сказала ему, что до пострига Анне еще очень далеко. А значит, до мира близко, значит, он должен уговорить ее вернуться. Потому что и ему, и, главное, их дочери Анна нужна дома. Возможно, она сама этого не понимает. Она не знает, насколько она им нужна. Антон все это собирался ей сказать. А она ушла, не вымолвив с ним и двух слов. Возможно, боялась, что он отговорит ее, что напомнит ей о той жизни, о которой она хочет забыть. Вообще, чего хочет Анна, понять ему трудно. Но у них с Никой жизнь никак не налаживается. Страшная трагедия, происшедшая в семье, не забывается, не сглаживается, именно потому, что Анна есть и – ее нет. И это не обстоятельства непреодолимой силы, это ее собственное желание.

Антон еще два раза прошел туда-сюда мимо белого дома. Когда он уже решил уходить прочь, дверь открылась, и на пороге показалась Анна. Антон замер, потом, стараясь не спугнуть ее, спокойно подошел.

– Анечка, здравствуй, – сказал он.

Анна взглянула на него совершенно чужими глазами, в которых не было жизни, не было ничего от прежней яркой, веселой, жизнерадостной женщины. Антон от неловкости не знал, куда девать руки, попытался провести по черному рукаву ее свободного платья. Анна резко отдернула руку и проговорила:

– Зачем ты приехал? И Нику привез... Зачем?

– Анечка... – Антон растерянно топтался, ерошил волосы, оглянувшись, увидел неподалеку скамейку. – Вот, давай туда пойдем.

– Ты делаешь мне больно, понимаешь? – сказала она, не двигаясь с места.

– Нет... Чем, почему?... Анечка, послушай...

– Нет, это ты послушай меня, Антон... – Анна говорила, почти не разжимая губ, сухо, яростно, и только по этой еле сдерживаемой ярости Антон узнавал свою прежде брызжущую жизненной энергией жену. – Той жизни нет. И не было никогда. Я живу здесь. Здесь все по-другому. Другая реальность. Понимаешь? Я и Бог. И больше ничего.

– Бог тебе велит быть такой... злой, да, Аня?

– Ты ничего не понимаешь.

– Нет, правда, я не понимаю. Я только понимаю, что Нике плохо без тебя, мне плохо без тебя...

– Не смей ничего говорить! – Анна подняла на него полные ненависти глаза.

Ненависти, или ему так казалось...

– Аня... Ну когда-то же должно это прекратиться...

– Прекратиться что?

– Почему тебе здесь не становится лучше? Может быть, стоит попробовать вернуться и жить дома, и там...

– Ты не понимаешь, что говоришь. На другом языке разговариваешь. Я тебе сказала: в моей жизни есть Бог и... и этот сад. Все.

– Что ты делала зимой, Аня? – вздохнул Антон. – В саду...

– Снег чистила и молилась. И делала все, что нужно. Хлеб пекла, убиралась, компьютерные программы писала...

– Компьютерные программы?

– Да, – пожала плечами Анна. – Для вышивок на облачениях. Что тут такого необычного?

– Ты вся такая... – Антон пытался подобрать слова. – Непокойная, Аня.

– Какая есть, – резко ответила Анна и отвернулась, чтобы уйти.

– Так и уйдешь?

– А что ты еще хотел?

– Аня... Но ведь я же вообще ни в чем не виноват.

– Бог рассудит, кто в чем виноват, Антон. Прощай. Не надо беречь душу, не надо сюда ездить. Живите как можете. Благослови вас Бог.

– И на том спасибо, Аня, – вздохнул Антон, глядя, как жена широкими твердыми шагами, упрямо наклонив голову, пошла внутрь здания, уверенная, что он не последует за ней и не станет дальше беречь, раздражать, спрашивать, упрекать ее, одинокую, несчастную, которая, судя по всему, никакого покоя и мира в монастыре не нашла. Говорить об этом с настоятельницей он не стал и не будет впредь. Аня же не душевно больная, состояние которой нужно обсуждать с врачом...

Антон с Никой уехали, не стали купаться в озере, фотографировать монастырь, хотя вид со стороны озера был прекрасный, они оба, переглянувшись, убрали телефоны. Не до фотосессий им было. Антон не знал, как говорить с Никой. Как с ребенком, для которого мама всегда права? Или как с взрослым человеком – обсуждать тяжелое душевное состояние ее матери? Имеет ли он на это право? Все равно Ника еще не выросла. Ей пока нужна мать как опора, а не как родственница, за которой требуется уход и к которой нужно относиться осторожно, чтобы случайно не задеть, не растрожить... Правда, Аня не хочет, чтобы к ней хоть как-то относились. Она хочет быть одна. Не зная, что у нее есть дочь, муж, семья. Она в этом не виновата, виновата боль в ее душе. Как рану иногда требуется перевязать, чтобы она не соприкасалась с внешним миром. И там, под перевязкой, постепенно зарубцовываются поврежденные ткани, срастается даже кость. Только у Анечки, сильной, веселой, энергичной, почему-то ничего не срастается и не зарубцовывается.

Антон вспомнил, как увидел Анну первый раз. Он всегда знал, что когда встретит свою девушку, он поймет это сразу. И так и было. Анна шла с лыжами, в желтой куртке, белой шапочке, стройная, ловкая, румяная, что-то, смеясь, говорила своим двум подругам. Посмотрела на Антона – мельком, но задержалась взглядом на секунду. И этого было достаточно, чтобы какой-то загадочный импульс, сильный, короткий, но совершенно определенный, попал Антону в душу. Можно взглядом сказать что-то совершенно постороннему человеку? Конечно, можно. Антон развернулся и пошел за девушками, хотя он только приехал на подмосковную горнолыжную трассу, а девушки уже уезжали домой, накатавшись. Пока они укладывали лыжи в одну машину, Антон подошел к девушке в желтой куртке и, понимая, что времени у него совсем мало, с ходу сказал:

– Я – Антон Ласточкин.

– Красивая фамилия, – тоже сразу, не кокетничая и не кривляясь, искренне сказала девушка.

И у Антона не осталось никаких сомнений. Да, он правильно сделал, что пошел за ней. Только такой голос может быть у его женщины, только такая светлая улыбка, прямой взгляд, смеющиеся глаза.

– Мне неудобно просить ваш номер телефона, – смущаясь, проговорил Антон.

– Просите, – засмеялась Анна. – Все равно записать не на чем.

– Я запомню, – быстро сказал Антон.

Девушка несколько мгновений смотрела на него, потом кивнула.

– Хорошо. Запоминайте.

– Сегодня вечером? – уточнил Антон. – Я позвоню сегодня вечером?

Девушка засмеялась, качнула головой, он не понял, что это означает. Антон позвонил, не в тот вечер, через пару дней, когда собрался с духом и знал, о чем с ней говорить. В следующие выходные они встретились, поехали вместе кататься на лыжах. Они оказались почти ровесниками, Антон – старше лишь на два года. Через месяц они решили пожениться. Антону было ясно, что до двадцати семи лет он искал Аню и вот нашел, ничего решать и долго раздумывать ему не нужно было. Ему казалось, что и Анна чувствует так же. Анна была совсем другая и одновременно в чем-то невероятно похожа на него, как сестра, росшая в том же детстве, в соседней комнате. Ника родилась у них через два года, была похожа на обоих. Рослая, как они оба, стройная, крепкая, с трех лет встала на лыжи. Все знакомые всегда говорили, что Антон и Анна похожи друг на друга, считали это залогом их счастливой семейной жизни. Так и было, до того злополучного дня.

Маленький Артем тоже был похож на обоих, только в нем неравномерно распределились родительские гены. Если у Ники в избытке было и энергии, и азарта, и здоровой рассудительности, то Артему всегда не хватало равновесия. Если он смеялся, то до слез, если ел конфеты, то коробку приходилось отнимать, если не хотел спать, то укладывали его втроем, если катился с горы на лыжах, то в сторону от него шарахались и дети, и взрослые. Вот и в тот день, как потом рассказывала Ника одному Антону (Аня уже жила в монастыре), Артем был как будто заведен ключиком. Пел, смеялся, крутился, залезал на все оградки по дороге в дом творчества, куда вела его Ника, перепрыгивал через лужи, бегал за своей тенью, пытался добросить мешок со сменной обувью до дерева, доплюнуть до урны, крикнуть так, чтобы взлетели птицы с крыши девятиэтажного дома, сидевшие там рядком по краю, дул на Нику, как ураганный ветер, крутился вокруг себя, как волчок, прятался за большую лохматую собаку, у которой голова была больше его спортивной сумки, перелезал через только что спиленное дерево, лежавшее у дороги, прыгал на месте, чтобы оказаться выше Ники, шел на одной ноге, шел на руках, шел, как верблюд, как старичок, как динозавр...

Ни одна из бабушек не соглашалась оставаться надолго с Артемом. Ни мать Антона, ни Анина мать, пока была жива. Мальчик пугал их своей активностью, но Анна лишь смеялась и ругала обеих бабушек. Ника очень любила брата и всегда на равных с ним бегала, прыгала, играла в джунгли, в путешествия – любимые игры Артема, когда квартира зимой и дача летом превращались в огромный мир, где можно рано утром выйти в поход и очнуться только к обеду. И в тот день, когда она вела его на занятие, Артем не раздражал ее своим весельем. Она смеялась всем его придумкам и лишь слегка подгоняла его, чтобы не опоздать. Лучше бы они опоздали, лучше бы он прошел по парапету, с которого она его подхватила в последний момент, упал бы на асфальт с высоты полутора метров, расквасил бы нос, они бы, может, вообще не пошли бы в тот день на занятие. Сколько раз Ника думала об этом, сколько раз говорила с отцом. Сколько раз Антон передумывал всю их жизнь и пытался понять, что же и где было сделано не так. Не могло это случиться просто так. Где-то ведь было начало того рокового дня.

Когда прошло сорок дней с момента гибели сына, Анна встала утром и спокойно сказала:

– Я завтра ухожу в монастырь.

Антон поднял на нее глаза.

– Я не понял. Ты хочешь съездить на паломничество, Аня?

– Я буду жить в монастыре.

Антон помедлил, потом спросил:

– Какое время?

– Всегда.

Антон хотел подойти к жене, но под ее взглядом остановился.

– Где, как называется монастырь? – постарался спросить он как можно спокойнее.

– Далеко. Семьсот километров на северо-восток от Москвы, – отрешенно ответила Анна.

– Почему, Анюта? – негромко спросил Антон, перестав собираться на работу, отложив в сторону пиджак и сев на стул, чтобы поговорить с Анной. – Почему ты...

– Не замирай, Антон. Я все решила. Я не буду это обсуждать. Потому. Не могу жить здесь. Не могу смотреть, как все живут, а... – Анна закрыла голову руками, свернулась в клубок, как она делала теперь постоянно, и беззвучно зарыдала.

– Я... Подожди... Хорошо... Если тебе нужно... Ты узнала все? – Антон не мог подобрать слов.

Анна подняла на него измученные глаза.

– Да, я все узнала. Так правда будет лучше. Всем нам. Я ненавижу Нику.

– Аня...

– Да, ненавижу! И с каждым днем все больше ненавижу, понимаешь? Не меньше, а больше! Не могу на нее смотреть! Не могу смотреть, как она ест, как пьет, как начала улыбаться! Его нет, а она улыбается! Я вчера видела, как она спрятала телефон, увидев меня, что-то там читала с интересом, ухмылялась... Ненавижу эту ее спокойную ухмылку, ее румянец, ненавижу... Здоровая, она здоровая, понимаешь, а его – нет! Нет, нигде нет!

– Анечка, Анечка... – Антон попытался обнять жену.

– Уйди, Антоша, уйди. Тебя я не так ненавижу... Все равно уйди. Не могу. Не хочу быть здесь. Работать не могу. Все бессмысленно, все тошно.

– Хорошо, Анюта.

– Хорошо... Нет больше слова «хорошо» в моей жизни, понимаешь ты или нет?!

– Анюта... Анюта... Но мы ведь можем родить еще ребенка... сына...

– Ты... – Анна аж задохнулась. – Ты вообще ничего не понимаешь! Ты... Как ты можешь так говорить...

Антон не стал больше спорить, ему тогда и в голову не могло прийти, что его жена, деятельная, живущая своей работой, страстная, отчаянная, сможет прижиться в монастыре. Он думал, что она пробудет там, как в санатории – месяц, может быть, меньше. И жизнь, которая всегда кипит, бурлит в Анне, возьмет свое. Она вернется к ним, к нему, к Нике, вернется к работе, суетной, иногда бестолковой, иногда очень полезной. Анна всегда гордилась своей работой, старалась делать честные репортажи, вкладывала в них всю душу, часто ссорилась с начальством из-за своей излишней прямооты, стремления докопаться до сути любых конфликтов, о которых она рассказывала, невзирая на то, какие люди и силы участвовали в них, никого и ничего не боясь.

Приехав из монастыря домой, первый раз за год с лишним повидав жену, обдумав все, Антон сказал Нике:

– Нам надо подождать.

– Она не вернется, – ответила ему дочь.

– Вернется обязательно, я знаю Аню.

– Нет, ей там хорошо страдать, папа. Она хочет только страдать, разве ты не видишь?

– Ника... – Антон вздохнул и обнял дочь. – Я надеюсь, ты никогда не узнаешь, что чувствует твоя мать. Нельзя ее осуждать. Нам нужно с тобой устраивать свою жизнь без нее, значит. Пока у нас полный раздрай. Вон, даже коробки стоят, – Антон кивнул на коробки с игрушками Артема, которые они не так давно собрали, да так и не отдали никуда, они стояли в прихожей в углу. Все думали – на дачу отвезти или отдать другим детям. И так плохо, и так плохо. – Давай возьмемся за ум, все куда-то уберем. И вообще... что положено делать, когда жизнь меняется? Бабушка пусть придет, поможет...

– А еще ты как хочешь поменять жизнь? – Ника отодвинулась от отца и пристально посмотрела на него. – Ты хочешь еще раз жениться?

– Что ты говоришь? – засмеялся Антон. – Не выдумывай.

– Я ни с какой другой твоей женой жить не буду, имей в виду. Тоже уйду.

– В монастырь? – горько улыбнулся Антон.

– Разберемся, куда уйти! – Ника подошла к коробкам с игрушками. – Давай так. Самые лучшие и те, которые он больше всего любил, оставим, остальное отнесем, у нас как раз собирают вещи для приюта.

– Хорошо. Ты пиши матери письма, Ника. Она еще так тебя встретила, потому что ты давно не писала...

– Не буду. Они ей не нужны. Ни на одно письмо мое не ответила.

– Ты не знаешь, что ей нужно, что нет.

– Она меня ненавидит, пап, зачем я ей писать буду? Давай я лучше тебе письма писать буду или бабушке.

– Бабушке ты звони почаще, – вздохнул Антон. – Из всех дедов и бабок одна она осталась. Знаешь, как ей жить, когда все поуходили, и муж, и подружки ее одна за другой. И Анины родители, они же дружили, ты помнишь, наверно...

– Бабушке не меня, ей тебя жалко, – сказала Ника. – Ты же ее сын. Она говорит, тебе тяжело одному.

– Я не один, я с тобой.

– Ну вот, а она все меня настраивает, как сделать так, чтобы тебе было легче.

– Не понимаешь, маленькая еще...

– Объясни, – упрямо сказала Ника.

– Все, закончили разговоры, постараемся радоваться тому, что есть на сегодняшний день.

– У нас есть чему радоваться? – удивилась Ника.

– Ника... – Антон взял обеими руками лицо дочери, которая, вырастая, становилась еще больше похожей на него самого и удивительным образом при этом – на Аню. Вот взглянет – в точности его жена, только совсем юная, какой он ее еще и не знал, лукавая, быстрая, а вот растерянно улыбается, брови поднимает, так же как он, у Ани раньше такая его фотография в телефоне была, когда он лыжу потерял на склоне, а она его, хохоча, сняла... – Дочка... Как же нам нечему радоваться! Давай считать. Ты – кандидат в мастера спорта, вот соревнования выиграешь, получишь мастера. А ты их выиграешь, потому что ты сильная, волевая. Будешь мастером спорта. Отлично ведь, правда? Это раз. У нас хорошая квартира, это два, своя, не съемная. В окно видно небо, даже кусочек парка. У тебя своя комната. Я работаю, мне платят деньги, у меня очень интересная работа, я ею увлечен, и она у меня получается, это три. Ты отлично учишься. Ты красавица, глаз не отвести, необычная красота. Это четыре, пять... У тебя есть я, а у меня есть ты. Каждого из нас дома всегда ждет самый близкий и верный человек. Разве всего этого мало?

– Ты говоришь, как проповедник из американской деревни. Сосисок с томатным соусом наелись от пуза и пошли в церковь плясать и весь мир учить, как быть счастливыми. – Она понизила голос и заговорила доверительно, улыбаясь всеми зубами: – My friend, I will tell you... Just listen to me and you will be happy...¹

– Ника! – от неожиданности засмеялся Антон. – Ну ты даешь...

– Я русский человек, пап. Мне привычнее тосковать по тому, чего у меня нет. Мамы нет, и вообще. Я ни в кого не влюбляюсь. Все влюблены, только мне никто не нравится.

– Почему, дочка?

Ника пожала плечами.

– Уроды все. Малыши описанные. Мамы им памперсы забыли поменять, они так в школу и поперлись с утра. Ходят, памперсов своих стесняются.

– Ника! – воскликнул Антон. – Ты что?.. Что ты все подряд говоришь!

¹ Мой друг, я расскажу тебе... Только слушай меня, и ты будешь счастлив... (англ.)

– Пап, ты спросил – почему, я тебе ответила. Ты ужасаешься. Хорошо, я не буду ничего говорить.

– Ника... – Антон примирительно притянул дочь к себе. – Прости. Я не готов слышать от тебя такие взрослые и... гм... категоричные слова. Ну... не нравится никто, и хорошо. Мне тоже мало кто нравился в юности. Влюбишься в один момент, я тебе обещаю. Только мне расскажешь, ладно? Обещаешь не скрывать от меня ничего?

Ника легко кивнула.

– Ну вот. А так... Я считаю, что у нас много поводов радоваться. Даже несмотря на то, что Артем... и что мамы сейчас нет с нами и... да, если честно, непонятно, когда она вернется.

Ника погладила отца по голове. Сам он не слишком уверенно говорит. Как она может ему поверить? И как радоваться очевидному? Может, представить на мгновение, что вот этого всего нет? Да, закрыть глаза и представить – она совсем одна, у нее на самом деле нет родителей, у нее нет ее прекрасной квартиры на пятнадцатом этаже, откуда виден и лес с рекой, и московский университет, где можно встречать восход и закат – окна так удачно расположены, на три стороны света, у нее нет ее уютной комнаты с маленькой, но прекрасной библиотекой, в которой можно найти старинные книжки, по ним когда-то училась ее прапрабабушка и ставила трогательные отметки загадочным чернильным карандашом: «Невѣрно!» или «Согласна!», у нее нет ее самого лучшего в мире отца, который понимает ее молча, не с полуслова, а лишь взглянув на нее, никогда не лезет в душу, но готов выслушать все, обо всем, в любое время дня, Антон в отличие от других родителей никогда не говорит: «Потом, сейчас я занят». Он бросает все и слушает Нику, идет с ней, помогает ей... Еще можно представить, что у нее нет ее отличной фигуры, она неудержимо толстеет, у нее кривые мясистые ножки, на которых неровными кусочками трясется жир – бывает так, представить, что у нее плохое зрение, плохая кожа, плохие выщербленные зубы, что ей не дается математика, русский, химия, физика, история – ничего не дается... И что – тогда ей станет легче?

Ника решительно встала и стала разбирать коробки с игрушками. Лучше что-то делать, чем запутываться в собственных страданиях, неудовольствиях и сомнениях.

Глава 6

Анна помедлила на тропинке. Она не хотела встречаться с настоятельницей. Вчера у них был неприятный разговор. Меньше всего Анне хотелось, чтобы между ней и Богом кто-то вставал. Какой-то человек, женщина, мужчина – неважно. Здесь часто говорят, что в монастыре нет мужчин и женщин, что стирается граница и остается только человеческая душа. Наверно, это должно быть так. Но Анна этого не чувствует. Сколько бы монахини ни умиряли и ни укрощали свою женскую суть, но когда приезжает отец Василий, духовник их монастыря и одновременно мужской пустыни, все как-то оживляются, воодушевляются. Наверно, это ее греховная мирская сущность так говорит. Кто-то из монахинь давно не видит мужчин и женщин, видит лишь человека, его душу. Его веру или безверие, его боль и сомнения, слышат одну лишь молитву, на другом языке просто ничего не понимают. А кто-то – умиряй не умиряй плоть – смотрит на симпатичного, улыбочивого, зеленоглазого отца Василия вполне женскими глазами, невольно кокетничая, лишний раз улыбаясь без повода, розовея, оправляя черное платье, туго затянутое широким грубым ремнем...

Анне все время казалось, что многие вокруг нее как будто принимают участие в какой-то игре. Ей никогда не нравилось выражение «жизнь – это игра», тем более «жизнь – это театр». И лишь здесь она стала понимать его. Да, наверно, так устроен человек. Он всегда во что-то играет. Его суть такая, он не может по-другому. По-другому ему невыносимо скучно. Те, кому не во что играть, находят себе лазейки, отдушины, наблюдают за чужими играми, в конце концов. Разве она раньше не играла? Когда снимала свои репортажи, когда общалась с матерью Антона, ревновавшей ее к сыну, как положено, с самого первого дня знакомства. Играла, и игра эта и была сутью ее взаимоотношений с родственниками, сутью работы.

Здесь, в монастыре – тем более. Никто не понимает, почему она здесь. Точнее, все думают, что им понятно, но она не собирается никому это рассказывать. Сколько бы кто ни пытался лезть к ней в душу, она туда никого не пустит. В ее душе – черное, бездонное, в котором она утонула. Да, ей плохо, но когда ее начинают оттуда вытаскивать, ей становится еще хуже. Особенно если люди пытаются говорить с ней от имени Бога, вот как мать Елена вчера.

Поначалу Анна пыталась объяснить – да, она пришла сюда, потому что ищет у Бога помощи. Но помощь ей пытаются оказать люди, причем очень своеобразную. Чем больше они говорят – сами не зная о чем, ведь никто не знает, что такое Бог, – тем больше раздражают Анну. Ей нужно молчание. Но ее не благословили молчать. Как странно. Когда раньше кто-то уходил в скит и молчал двадцать лет, он ни у кого не спрашивал разрешения. Но в нашем обществе другие игры. В это никто теперь не играет. Не может Анна уйти в лес, построить там себе избушку и жить одна. Найдут, попросят разрешение на строительство, документы на землю... И, главное – не разрешат молчать. Заберут в психиатрическую клинику и заставят говорить. Есть где-то такие отшельники, в сибирской тайге. О них шепотом рассказывают и считают их отступниками от истинной веры, потому что молиться Богу нужно в церкви, а не в хижине, сложенной из кусков рубероида и фанеры.

– Понимаешь, Анна, – говорила настоятельница вчера, – тебе нужно смягчить твою душу. Ты должна каяться, и тогда тебе Бог даст прощение, к тебе придет спасение.

– Я постоянно разговариваю с Богом.

– Ты не разговаривать должна, а молиться! Открывать душу. Я же тебе говорю – каяться. Просить о спасении. Отчаяние хуже всяких зол, сестра.

Анна молчала. Это бесполезно. Отчего эта женщина думает, что она лучше Анны знает, что ей нужно? Отчего она уверена в своей избранности и имеет право учить Анну? Анна и так чувствует присутствие Бога, и ей для этого человеческие слова не нужны. Его присутствие не выразишь никакими словами.

– Ты упорствуешь в своем унынии. А это грех. Ты должна радоваться.

– Чему? – все же спросила Анна, хотя давала себе слово – слушать, кивать (игра такая, что поделаешь!) и уходить прочь, в свой мир, в котором ей гораздо лучше.

Лучше всего вообще не говорить ни слова, ни с кем. Ждать ночи. Ночью ей снится Артем, живой, веселый. Да, конечно, есть еще Ника. Иногда и она снится, и это очень раздражающие сны. Потому что во сне Анна любит Нику, как раньше, когда она не разделяла детей, не думала о том, кого любит больше. Ее мир был заполнен светом, любовью, с тех пор, как она встретила Антона, у нее все было прекрасно. До этого жизнь была хорошей, нормальной, удачной, но с того солнечного морозного дня, когда Антон подошел к ней, вообще все понеслось, как в сказочной карусели. Родилась Ника, здоровая, активная, красивая, веселая, умненькая, встала на лыжи, они вместе проводили столько времени в лесу, на трассах, летом тоже ездили в горы, гоняли на велосипедах, такие похожие с Антоном, и правда половинки. Несколько лет назад умерла ее мать, как-то неожиданно, никто не думал, что она болеет, но Анна утешала себя тем, что мать не страдала перед смертью, как многие, и рана довольно быстро заросла. Тем более, что вокруг нее были ее любимые – муж, Ника и, конечно, источник света и позитивной энергии Артем. Таким подвижным детям обычно положено смеяться и плакать без остановки. Но Артем не плакал, он только смеялся, находил радость во всем. Делал все быстро, энергично, как будто энергия обоих родителей в нем не удвоилась, а удесятерилась. Некоторые родственники и знакомые говорили, что надо бы его осаживать, что он слишком активен, это нездорово, но убедить Анну, что смех и свет, которые не выключаются никогда, – это плохо, не мог никто.

За два дня до трагедии Анна с Антоном записали Артема в школу, можно было сделать это по Интернету и успокоиться, но они еще и пошли по старинке, взяв сына за руку, посмотрели школу. Анна так ярко себе представляла, как осенью они отправятся с цветами и новым ранцем в школу, как Артем будет расти, видела его большим, подростком... Нет, нет и нет. Невозможно поверить. Дни идут – недели, месяцы, вот уже пошло на третий год. А во снах он живой, смеется, берет ее ручками за шею, шепчет ей в ухо: «Мама, мама...» Правда, последнее время стали сниться другие сны. И тогда Анна просыпается в слезах и не знает, куда ей деваться. Ведь у нее была единственная отдушина – ее сны. А теперь в снах Артем уходит. Уходит в лес, уходит к темному озеру, уходит к своей бабушке, ее матери, и она ничего не может поделать. Кричит, зовет его, пытается остановить, но у нее нет голоса во сне, нет сил...

Анна посмотрела на себя в маленькое зеркало, заправляя волосы в прорез глухого апостольника. Она хотела снять зеркало со стены, но воспротивилась соседка. Конечно, она бы предпочла быть в келье одна. Поначалу ей мешала другая женщина, но потом она привыкла. Не отвечала на вопросы, не разговаривала, да и все тут. Соседка поменялась, потом опять поменялась. Никто не хотел жить с молчащей Анной. У монахинь своей воли нет, но они ходили и потихоньку просили игуменью перевести их в другую келью. В монастыре не поощряются словоохотливые и заводящие дружбу личности, но упорное молчание Анны было обращено не к Богу, а в саму себя, оно пугало и раздражало по-человечески любого, кто оказывался рядом. Месяца два вообще никого не было. Когда к ней поселили пожилую сестру Гавриилу, бодрую, резкую, которая стала настойчиво увещевать Анну, добиваться ответа, она пошла к настоятельнице и спросила, нет ли возможности отвести ей отдельную келью.

Келья нашлась – в старом корпусе, крохотная, темная, с маленьким, в две ладони окошком под самым потолком, и вторым окном – узким, как бойница. Но это была именно жилая келья, потому что кровать в ней была когда-то построена вместе со стеной – каменное ложе. Оно очень понравилось Анне. Ровное, жесткое, всегда прохладное. Зимой в келье было холодно, но это не пугало Анну. В холоде лучше спится, сон глубже. И вот в эту келью в конце зимы привели полную, испуганную девушку и поставили ей кровать. Да, место для кровати было, у двери. Но Анна не понимала, зачем так тесниться. В других кельях гораздо больше места, освоившись в монастыре, она знала теперь, что есть и незаселенные комнаты. Конечно,

в них с позапрошлого века не делали ремонт, но какой ремонт нужен в комнате с каменными стенами – побелить стены, выскоблить пол да покрасить окна? Главное, чтобы они закрывались хоть как-то и стекла все были на месте.

В ее келье в длинном узком окне – огромная щель. Когда не морозно, это очень хорошо – все время свежий воздух, а в самые морозы Анна на ночь клала на глубокий подоконник свое длинное пальто, вставала затемно – выславшаяся, с ясной, свежей головой. Чистый холодный воздух, легко дышится, сон глубокий, иногда долго не отпускает, проснешься, опустишь ноги, сразу не встанешь – и сон продолжается, ровно с того места, на котором прервался от звука колокольчика дежурной сестры.

Новая соседка, Оля, совсем растерянная, сидела в первый день на краешке единственной табуретки, держа в руках пакет со своими вещами, и оглядывалась.

– А зеркала нет? – спросила она.

– Зачем тебе зеркало? – пожала плечами Анна. – Не насмотрелась на себя... там? – Анна кивнула в сторону улицы.

Девушка стыдливо пожала плечами. Анна уже потом узнала, что отдали ее в монастырь то ли родственники, то ли соседи, с ее согласия, разумеется, потому что Оля была набожная, верующая, училась плохо, все ходила в церковь с матерью, а как мать умерла, растерялась, хозяйство запустила, две козы у нее поумирали одна за другой, курятник сгорел, куры разбежались, забор упал. А Оля все сидела дома и плакала. Потом и дом сгорел. Вот какой-то «дядя Леша» ее, девятнадцатилетнюю, как малого ребенка, в монастырь и привез.

С Олей было просто молчать. Она пару раз, шумно вздыхая, пыталась заводить разговоры с Анной, но поскольку та молчала, Оля, поговорив немного, растерянно умолкала. Чужой человек в крохотной келье невероятно мешал Анне, но настоятельница была неумолима: «Нет, и все». Ну нет так нет. Анна понимала, что ее воспитывают, ей помогают, ей не дают свободы и самостоятельности в общении с Богом. Что ж, она и в таких условиях сможет запереться и закрыться. Ее Бог – это ее Бог, тот Бог, что решил отнять у нее Артема. Если бы она верила, что когда-то встретится с Артемом – там, откуда никто не возвращается и не рассказывает, что же там на самом деле, – ей бы было легче. Хорошо Оле. Она искренне верит, что встретит свою мать, «мамку», как называет ее Оля, на том свете. Именно об этом она все порывается рассказать Анне. Анна поняла, почему настоятельница подселила к ней Олю. По интересам. Поговорить о том свете. Только Анна себе все совершенно не так представляет.

– Я приду туда и сразу мамку там найду, – на полном серьезе рассказывала ей два дня назад Оля, тихо, но настойчиво, несмотря на то, что Анна отвернулась к стене и сказала, что спит. – И она выйдет ко мне, в голубом платье, в котором мы ее хоронили, и скажет: «Олюшка моя, вот я и дождалась тебя...»

Анна все-таки не выдержала и повернулась к соседке:

– Ты веришь в это? Ты на самом деле веришь, что ты встретишь мать после смерти? В голубом платье?

Разве она имеет право быть такой жестокой? Имеет. Ведь у нее все отняли. Вся ее жизнь оборвалась вместе со смертью Артема. Ей больше ничего не нужно – ни свет, ни жизнь.

– Верю, – улыбаясь, проговорила Оля и приподнялась, подперев щеку тяжелой пухлой рукой. – Холодно как здесь. Не привыкну я никак. Как ты спишь...

– Попросись в другую келью.

– Мне здесь нравится, с тобой, – застенчиво сказала Оля. – Ты хорошая... и сильная.

Меньше всего Анне хотелось говорить с посторонним и совершенно ненужным ей человеком о самой себе. Сильная она или слабая... Хорошая или плохая. Она не для этого пришла сюда, чтобы обсуждать, какая она.

– А я не верю, что после смерти что-то будет. Вся наша жизнь – только здесь.

– Ты что? – даже испугалась Оля. – Ты что говоришь? Бог накажет, как же ты не веришь...
Надо верить!

Как бы ей объяснить, что очень раздражает, когда посторонний человек, в два раза моложе тебя, называет тебя на «ты» и разговаривает с тобой так, как будто имеет право на любые вопросы.

– Ничего там нет, – упорно повторила Анна. – Есть только короткая жизнь, у кого восемьдесят лет, у кого сорок, как у твоей мамки, а у кого – семь.

– Я знаю, у тебя сын...

– Никогда, слышишь... – Анна резко встала и подошла к узенькому топчану, втиснутому между дверью и неровным скошенным углом. Она наклонилась к испуганно отпрянувшей от нее Оле: – Не смей никогда ничего говорить о моем сыне! Вообще не лезь ко мне, ты поняла? Кто тебе сказал? Зачем они болтают... Как это узнали... Надо же... Даром что монастырь... Разболтали...

Анна выдохнула, растерла сильно заболевшую грудь и вернулась обратно в кровать, стоять босиком на ледяном каменном полу было неприятно.

– Завтра скажешь настоятельнице, что тебе холодно здесь спать, и вообще, что я тебя прогнала. Поняла? А сейчас послушай меня: у тебя есть твоя короткая жизнь, после нее не будет ничего...

– Нет. – Анна почувствовала, как Оля улыбается в темноте. – Ты зря так говоришь. И ты своего сына встретишь, и я мамку свою. Вот осталось немного только здесь помучиться, я готовлюсь, надо молиться, надо жить праведно, и тогда мы там встретим всех, кто ушел...

– Ты – живешь? – усмехнулась Анна. – Ты пришла сюда, чтобы жить?

– Нет, – искренне ответила Оля. – Я пришла сюда, чтобы дожидаться смерти. Здесь хорошо, и говорят, что делать надо, и женщины все хорошие, и церковь – вот она прямо здесь, к мамке ближе здесь, я чувствую...

– Что с тобой поделаешь! – махнула рукой Анна, с досадой чувствуя, что ей жалко девушку. Напрасно из злости она пытается Олю разуверить. А с другой стороны – ну как слышать от молодой, вроде вполне здоровой, пусть и не очень развитой, но зато доброй и душевной девушки, что она не жить собирается, а смерти ждать. Как не пытаться ее уверить, что мать свою она больше никогда не увидит и что вряд ли мать бы была довольна, если бы узнала, что после ее смерти дочь жить больше не будет, а добровольно согласится за вечное заточение в монастыре. Хотя в миру бы она пропала, наверно.

Вот эта тихая стеснительная Оля нашла где-то овальное зеркальце, повесила его около двери на старый гвоздь. И теперь аккуратно расчесывала перед ним свои длинные светлые волосы. Любая бы городская красотка позавидовала Олиным волосам, а она, расчесав их, стягивала в тугий узелок и прятала под платком. А как иначе? Монастырь. Анна зеркало сняла, вынесла в коридор, убрала за старую снятую дверь, которая, прислоненная, стояла у стены, а Оля нашла и вернула. Анна подивилась такому упорству скромной девушки, но больше снимать зеркало не стала. Она давно не видела себя в зеркало, причесывалась, умывалась, не глядя. В трапезной у входа сбоку было небольшое мутноватое зеркало, но она проходила, не поворачивая головы.

Сейчас она с удивлением рассмотрела свое лицо. Чужое, как будто совсем незнакомое лицо. Странно смотреть на себя, она отвыкла от этого. Это совершенно не нужно. Анна отвернулась от зеркала. Платок прекрасно можно надевать, не глядя на себя. Там сделана прорезь. Ровно или нет, можно ощупать руками. А как посмотришь в зеркало... Как будто глядя туда, она видела какой-то другой мир. Тот, о котором она думать не хочет и не будет. Мир, в котором надо что-то решать, мир, в котором горячо, ярко, шумно, как будто за плечом у нее появляются муж и Ника, смотрят на нее с надеждой, упреком. Нет, ей не нужны ни надежды их, ни упреки.

Приехали раз – она дала понять, что не вернется к ним, что ее жизнь здесь. Точнее, не жизнь, а... Как назвать, что у нее здесь? Она, как Оля, ждет смерти?

От этой мысли Анне стало как-то нехорошо. Нет, конечно. Она же не верит, что после смерти что-то будет. Ничего не будет. Белковая жизнь короткая и бессмысленная. Точнее, если и есть какой-то смысл, нам не сообщили. Мы живем, подчиняясь чужой программе, и ничего поделать с ней не можем. Все четко расписано – сколько, как, когда, что можно, что нельзя, жесткие ограничения по сну, еде, температуре, организм наш слаб и вынослив одновременно. Повышение температуры на несколько градусов не совместимо с жизнью. Без воздуха три минуты – смерть. Без солнца разрушаются кости. Ребенок вынашивается девять месяцев. К пятидесяти годам функция воспроизводства в женском организме угасает. Мужчина с трудом управляется со своей функцией воспроизводства, придумывает ограничения, запреты, уловки... И так далее. И тем не менее скребется человек, скребется, несмотря на всё – размножается, размножается, истребляя всё вокруг себя – других живых существ, чистую воду, без которой сам жить не может, чистый воздух, лес...

Почему Анна стала об этом думать? Все мысли тяжелы и болезненны, лучше было в черной капсуле боли, в первые месяцы. Там главное было, чтобы никто не трогал. А сейчас Анна сама начинает думать, просыпается, и мысли обрушиваются – о том, о сем, о смыслах, бессмыслице, о жизни, о Нике, которой скоро исполнится шестнадцать, о муже, который как-то там без нее... О том, что она очень хочет верить, как верят все вокруг – легко и не рассуждая, очень хочет. И не может. Чем дольше она живет в монастыре, тем дальше ее вера от их наивной крепкой веры.

Анна взглянула на шедшую навстречу монашку. Не разойтись, ясно уже – та остановилась, чтобы поговорить.

– Анюта! – подмигнула ей Стеша – Стефанида, веселая и живая монахиня, которая всегда словно ненароком задевала Анну то одним словечком, то другим. – Хорошо-то как сегодня в праздник, правда? Душа радуется! Вот вся радуется! Плат-то поправь, сбился, набок съехал...

Анна кивнула, опустив глаза. Не надо к ней лезть с веселыми словами и разговорами о погоде. Да, небо. Она тоже видит, что небо лазурное, яркое, с белейшими облаками. Красиво, год назад она не видела этого ничего. А сегодня видит. А раньше, много лет подряд, бросалась фотографировать. Зачем? Чтобы сохранить эту красоту? Для чего? Для кого? Где теперь все ее снимки? Кому они нужны?

– Господь нам шлет искушения... – снова заговорила Стеша. – Нельзя прожить без искушений, или чрез бесов, или чрез людей, или от своих привычек...

– В смысле? – не поняла Анна. Она не может никак привыкнуть к их языку. – Ты о чем?

– Приехала новая насельница, – вздохнула Стеша, – да не одна...

– А с кем? – Анна, сама не зная почему, спросила это.

– Ох, да там такая история, прости Господи, прости Господи... Страдает она... болезнью винопития...

– И что, к нам приехала алкоголичка? – усмехнулась Анна.

– Сестра! – Стеша, как и следовало ожидать, рассердилась, даже отступила от нее на шаг, услышав излишне резкий Аннин тон. – Ну что ж ты так...

– Как? – прищурилась Анна. Как же ей стало тяжело сохранять свой безопасный кокон, в который еще недавно не мог проникнуть ни луч света, ни человеческие эмоции, чужие, ненужные ей теперь совсем. – Это монастырь или вытрезвитель?

– У Бога все равны, – смиренно ответила Стеша, только глаза ее, вечно смеющиеся, говорили что-то иное.

Как раньше бы Анна ухватила за такого персонажа! Сняла бы репортаж, тем более что у Стеши интересная судьба, она осетинка. Когда-то ее звали Зарина. Стефанида – это ее монашеское имя, причем второе, данное уже при настоящем постриге, когда она стала так

называемой «мантийной монашкой», носит с тех пор особую одежду... Особые игры, а разве нет? Духа, интеллекта, плоти... Отказ от потребностей своей плоти, умерщвление плоти – это ведь тоже игры. Никуда не деться от гормонов, от потребностей организма в белковой пище, в мясе...

Иногда Анне хотелось сделать что-то, чтобы нарушить благостный настрой своих товарок – и трудниц, недавно пришедших в монастырь и еще не определившихся с выбором, точно ли они останутся здесь на службе у Бога или вернутся в мир, и послушниц, которые на шаг ближе стали к монашеству, как, например, она, – с некоторым сомнением, но ее все же перевели в начале весны в послушницы, выдали разрешение на ношение подрясника и апостольника, и тем более монахинь, получивших новое имя, благословение на ношение иноческих одежд, взявших в руки четки...

Зачем тогда она здесь, если она не приживается, если не хочет играть в эти игры, если не хочет признавать правды воцерквленной веры? Потому что в миру ей совсем невыносимо. Было невыносимо, и она ушла. Как было бы сейчас, ей думать не хочется. Не стоит и пробовать. Она приняла такое решение, и она его не нарушит.

Стеше не терпелось еще что-то рассказать Анне, это было очевидно.

– Ну, что еще? – вздохнула Анна.

Конечно, Стеша могла бы и обидеться на такой тон. Но новости были интереснее.

– Брань ведешь, Аня. Никак победу не одержишь, – без укора, горестно проговорила Стеша.

– А ты одержала?

– Одержала! – широко улыбнулась Стеша.

Если бы не выщербленные передние зубы, длинноватые и неровные, Стеша была бы хорошенькой. Сколько ей лет – непонятно, как и многим, кто прожил в монастыре много лет. То ли тридцать три, то ли пятьдесят три. Холодная вода, свежий воздух, полное отсутствие кремов – лицо и старое, и нестарое одновременно. Страдавшее, но не жившее полной жизнью. Только страданиями и отказами от страстей и радостей. Точнее, жившее иными радостями. А у кого-то и страданий не было, кто в монастырь попал рано, другой жизни и не знал.

– Одержала, – повторила монашка. – Потому всем и довольна. А если монахиня удрученная, значит, она терпит поражение. В борьбе с силами бесовскими, со своими страстями земными.

– Мы пока на земле, Стеша, – сказала Анна, хотя не раз давала себе зарок не пускаться в теологические споры с монахинями – бесполезно и действует крайне удручающе.

– Ты не слышишь, что тебе говорят, сестра, – как с больной, заговорила с ней Стеша.

Анна хорошо знала эту манеру стариц и опытных монахинь. «У меня к мирянам жалость, к ним всем, неразумным, жалость», – часто повторяла настоятельница и говорила это вполне искренне.

Анна спорить не стала, но Стеша настойчиво продолжила, привычно перебирая руками четки. Было ощущение, что она что-то другое при этом делает, что-то свое, тайное, важное, руки ее жили отдельной жизнью. Анна невольно засмотрелась – Стеша передвинула две четки влево, потом три вправо, потом одну влево, потом быстро-быстро одну за одной, одну за одной стала бросать вправо, потом руки замерли, и Стеша вдруг резко откинула все назад и стала спокойно, всё заново, по одной, с равным промежутком перекладывать направо, потом снова замерла и стала просто крутить четки, довольно лихо, на кожаной веревке. Если бы это снять... Анна от неожиданно подступившей мысли даже похолодела. Это кто сейчас подумал? Она? Что снять? Как? Она навсегда отказалась от своей суетной, глупой, бессмысленной профессии.

– Ты затыкаешь уши изнутри, – терпеливо продолжала Стеша. – Потому что находишься под влиянием страсти. Уныние – это тоже страсть. Не лучше, чем гнев или обида.

Как раздражает Анну, что ее боль, ее скорбь, ее ледяную тоску называют протокольным церковным словом «уныние». Ведь Стеша не ее духовная мать, даже не старица еще, и спроси ее – «Почему ты меня учишь?» – она очень удивится, расстроится. Но ведь каждый, кому не лень, готов если не пнуть ее, то хотя бы ненароком задеть, указать ей на ее «грех», все эти безгрешные «сестры», заслужившие право носить на спине параманный крест – кусок ткани с крестом, привязывающийся тесемками на спине. Как же, наверно, неудобно им с ним ходить, и постоянно напоминает об их долге, об их избранности. «Господь всех призывает, а быть меж избранными от человека зависит» – местная аксиома, они этим живы – своей избранностью...

Анна ничего не могла поделать, но тонкости и сложности монастырской жизни постоянно возвращали ее мысли к тому, от чего она бежала. Все говорят, что в мужских монастырях как-то по-другому, а женщинам никуда не деться от своей грешной сути... Но ведь это когда-то придумали мужчины – что женщина есть средоточие греха. Что не они, мужчины, сами греховные по своей сути, а женщина их такими делает, женщина соблазняет. Хотя ведь это так ясно – в мужской природе заложено неумное стремление размножаться, главенствовать и драться за это главенство, не жалея ни своей, а главное – чужой жизни. Не это ли причина всех их собственных бед и бед всего человечества на протяжении веков и тысячелетий?

В любом случае, в мужском монастыре Анна не была, а здесь, в женском – тоже суета, не меньше, чем в миру, только своя. И зависть, и косые взгляды, и неумные разговоры, и ложь. Да, ложь. Зачем сейчас Стеша лезет ей в душу? Она хочет ей помочь? Ей, Анне, измученной болью и тоской о погибшем сыне? Или она хочет утвердиться в своей благодати, еще раз понять – вот она, Стефанида, такая безгрешная, у нее так плотно, так крепко перевязана грудь, в ней не осталось ничего греховного, женского, она не знает радостей и болей материнства, никогда не знала и уже не узнает, прошел ее возраст, она сильная в своей стерильной чистоте, своей святости, она так близко к Богу. А Анна – далеко. И Стеша сладостно учит ее, укоряет, ласково посмеивается, объясняет ей, неразумной, ее ошибки, тупики, ее нечистые помыслы.

– Уныние – страсть, просто с противоположным знаком... – задумчиво проговорила Анна. – А в этом что-то есть.

– Что же ты так бунтуешь, Аня, Аня, – покачала головой Стеша. – Ведь год уж как здесь живешь.

– Два, третий пошел, – поправила ее Анна.

– Тем более. А все со своим уставом лезешь, никак правды Божьей не услышишь. Читай правило, полегчает. Утреннее читай, вечернее, не отвлекайся... Не отвлекаешься? Мысли не лезут греховные?

Анна покивала – спорить бесполезно, она знает, что такое долгие, выматывающие душу разговоры со старицами, совершенно бессмысленные для нее, она по-другому все видит и слышит и не хочет знать той, странной, искусственной правды. Зачем же она сюда тогда пришла? Несмотря на попытки монахинь переделать ее мир, попасть в него и расставить там все по-своему, она получила то, зачем пришла. Жизни с ее страстями, суетой, работой – той работой – больше нет. Она хотела уйти от Ники, от мужа, хотела уйти туда, где вместо страшного, вонючего мегаполиса, раздавившего ее сына – так ей казалось, – поют птицы с утра до вечера, тишина, работа.

Да, работа ее тяжела физически, но она понятная, нужная, ничего бессмысленного Анна не делает. Поскребет пол – он будет чистый, польет яблони – листья на них зазеленеют ярче, яблоки нальются сочнее, вот и все. Молитвы... Особенно поначалу многочасовые молитвы, монотонные, малопонятные, ей помогали. Тем более что излишнее рвение в молитвах, как ни странно, в монастыре и не приветствуется. Послушничество – это работа на благо монастыря, а вовсе не истовое служение Богу в молитвах. Тут захочешь уйти в нереальный мир, да не дадут. День послушницы полон обычных мирских забот – уборка, прополка, поливка или

чистка снега, работа на кухне, другие хозяйственные заботы, не кончающиеся никогда. Монастырь большой, запущенный годами и до конца еще не восстановленный.

Анна заметила, как Стеша с необычным выражением то и дело взглядывает за ее спину, и тоже обернулась и не поверила своим глазам. Ребенок? Что здесь, в монастыре, делает ребенок? На экскурсии к ним приезжают редко, ехать уж больно неудобно, никаких чудотворных икон у них нет, а если и приезжают, то в эту часть монастыря, жилую, не заходят; дорожки так искусно поворачивают, что праздные туристы прогуляются кружок, другой вокруг центрального храма, завернут, чтобы пройти мимо огромной розовой клумбы, на которой непрестанно трудятся одна-две женщины, не поднимая головы – пропалывают сорняки, рыхлят почву, поливают, отрезают засохшие ветки, да и уезжают восвояси, думая, что побывали в монастыре. А настоящий-то монастырь он вовсе не в храме, а в душах монахинь. А в душу, слава богу, заглянуть невозможно.

Стеша, увидев заинтересованный взгляд Анны, кивнула:

– Ага, вот я и говорю. Необычное у нас пополнение.

– В смысле? – нахмурилась Анна. – Это не гости? Что, ребенка взяли в монастырь? Ребенка... – Она всмотрелась. – Это же мальчик...

– Мальчик, – опять кивнула Стеша, как-то непонятно улыбаясь. – Восемь ему лет-то, что ли. Или семь. Мать точно не знает.

– Как не знает?

– А ты поди, поговори с ней, может, тебе скажет, вспомнит...

– Это... – Анна не могла поверить собственной догадке. – Это та женщина, о которой ты говорила? Алкоголичка?

– Сестра страдает грехом винопития... – поправила ее Стеша.

– Ну да, я страдаю грехом уныния, а она – винопития. Ясно. Обе грешницы.

– Я тоже грешу, Аня, – вздохнула Стеша.

– А у тебя какие грехи? – спросила Анна, тут же пожалев. Какое ей дело? Что за внезапно проснувшееся любопытство?

– Да так... Скоромного хочу в пост... Страсть как хочу... Грешница, грешница... Конфету вот съела... Ела и думала: «Вот, Господи, какая я у тебя неразумная...» И опять хочу.

– Хотеть – тоже грех?

– А как же, конечно... – Стеша не стала договаривать, потому что мальчик побежал прямо к ним по тропинке.

– Разве детей берут в монастырь?

– Как видишь.

– Но у нас женский монастырь, почему так разрешили? – растерянно спросила Анна, глядя, как вполне веселый, здоровый на вид ребенок подсакивая то на одной ноге, то на другой, бежит мимо них. Конечно, он не к ним бежал, просто так.

– Может быть, приют у нас будет... – зашептала Стеша. – Разговоры идут. Денег выделяют, на ремонт храма, стен, башен. И дело будет хорошее... А то еще и гостиницу сделают, паломники к нам поедут...

– Зачем нам паломники? – удивилась Анна.

– Тебе, может, и не нужны! Так от них же деньги, а монастырю нужны средства. Ладно, все, заболтались мы с тобой, работать надо идти.

Стеша ушла, Анна тоже пошла в мастерскую, где она помогала с вышивкой. Как ни странно, оказалось, что она очень многое умела, только не делала этого в жизни. И шить, и вышивать, и управляться с растениями, и готовить, и придумывать рисунок для вышивки да еще и переносить его в форму алгоритмов. В *той* жизни у нее не оставалось времени на что-то, кроме работы. Дома, в семье, она мало что успевала – готовила и то не каждый день. Редко-редко в воскресенье, если была плохая погода, они не ехали на лыжи или на велосипедах в

парк, Анна вместе с Антоном лепили пельмени, так повелось у них с самого начала совместной жизни. Дети, подрастая, стали им помогать. Это было очень веселое дело. Главное было кому-то запрятать в пельмешек вместо мяса кусочек теста, перемешанного с молотым черным перцем. Это был счастливый пельмень. Кто его съест – тому и счастье. Иногда пельменей оказывалось целых три. У Артема, разумеется, пельмени не получались, у него не хватало терпения их аккуратно склеивать, он только скакал вокруг стола, терся лбом об Анну, смеялся, лазал под столом.

Анна даже отмахнулась рукой от внезапно яркой картины ее прошлой жизни. Этой жизни нет и не было никогда. Ей так проще. Придумывают же люди себе судьбу, рассказывают о том, чего не было... Вот и она все придумала. У нее ничего нет, кроме сегодняшнего дня. Ни вчера, ни завтра нет. Разве не так учат проповедники счастья, не ориентированные конкретно ни на одну из мировых религий? Есть сегодняшний день, и будь им счастлив. А Анна тем более, и не стремится к счастью. Она просто живет одним днем, сама не зная, для чего.

У самых дверей длинного одноэтажного здания, где были различные мастерские, сидел тот самый мальчик и подсовывал прутик Василию Парфенычу, валяжному коту, с пышной бело-черной шерстью. Анна поначалу не могла поверить, что одного из четырех монастырских котов зовут так же, как и их духовника. Кто так назвал, зачем? Ведь у кота такие же зеленые глаза, как у отца Василия. В шутку, в отместку... Да и зачем им имена – живут и живут, как могут, никто их особенно не кличет. Но все монахини знают, что один кот просто Рыжий, другой Тимка, простецкий, серый, вечно ободранный, третий – девочка, тоже серенькая, но аккуратная, с яркими рыжими глазками, почему-то с горделивым именем Римма, а четвертый – пушистый и наглый Василий Парфеныч, сверкающий изумрудными глазами. Каждая беременность Риммы – это особое событие, вызывающее много шушуканий, хлопот. Сначала – резко толстеющая Римма, степенно выхаживающая по тропинкам, затаенные смешки – какого цвета будут котята, потом пересуды – куда их девать, не топить же божьих тварей, и вот большая корзина с очаровательными беспомощными котятами долго стоит у входа в монастырь и всегда разбирается прихожанами.

Анна на секунду приостановилась, посмотрела на мальчика. Он тоже взглянул на нее. Ну мальчик и мальчик, одернула она сама себя, и побыстрее прошла мимо.

– Это... Как его зовут?! – крикнул ей мальчик вслед.

Анна замедлила шаг. Ей это совершенно не нужно. Ей не нужны никакие впечатления, отвлекающие от спокойного, изо дня в день, абсолютно бесстрастного существования. Да, она больше не плачет, только если Артем ночью уходит, и она снова и снова переживает расставание с ним. Но днем она не плачет, у нее перед глазами больше не стоит отпевание, сами похороны, она думала, что не пройдет никогда, нет, прошло, больше не вспоминается. Но ей не нужно ничего, что бы могло нарушить ее установившийся более или менее внутренний покой. Поэтому она и со своими родными не общается. Ника ей пишет, писала, по крайней мере, целый год, и после приезда прошлым летом что-то писала, но она просила матушку Елену не давать ей этих писем. Матушка легко согласилась, ведь Анна сказала, что пишет ей дочь брата. И та не стала разбираться, правда ли это.

Зачем Анне Никины письма? Тепла никакого у нее к Нике нет, знать о ней она ничего не хочет. Возможно, Анна ее когда-то простит, надо простить, но забыть она не сможет. Она кратко ей ответила на одно из первых писем: «Я постараюсь о тебе молиться. Живите без меня».

Сейчас Анна молча взглянула на мальчика. Светловолосый, с выгоревшими бровями, ресницами, сероглазый. Его уже отмыли здесь, переделали, нашли что-то не по росту, но чистое, завернули рукава.

– Ты не умеешь разговаривать? – спросил мальчик. – У нас бабушка тоже не умела разговаривать. Заболела и не умела поэтому. А ты слышишь что-то? А! А! – Мальчик громко крикнул, активно махая обеими руками.

Анна покачала головой и прошла мимо. Вот это да. Вот это веселье сейчас начнется у них. А если еще будет целый приют вот таких... Что ж, она попросится перевести ее в другой монастырь. Переводят – неохотно, но переводят.

Не сможет она спокойно молиться Богу, своему Богу, тому, который ее слышит, в отличие от людей, Богу, который привел ее сюда, в это отрешенное от жизни место, никак не сможет, если вокруг будет гомон и гвалт детских голосов.

Главное, чтобы при переводе снова не стали придирчиво интересоваться ее личной жизнью. Очень нехорошо обманывать настоятельницу, духовника, но иначе бы ее не взяли в монастырь. Разводиться с Антоном она не стала – не выдержала бы предварительного этапа, суда – ведь из-за Ники, еще несовершеннолетней, просто так бы их не развели. Поэтому она, прекрасно понимая, что замужнюю и с ребенком ее никто в монастырь не возьмет, пришла к знакомому священнику, про приход которого она снимала небольшой сюжет, объяснила, в чем дело. Тот, сам не монах, долго качал головой, сердился на нее, поначалу пытался отговаривать, но Анна очень попросила, и как-то отец Иннокентий ее услышал. Может быть, потому что сам когда-то ушел от вполне благополучной мирской жизни в церковь, получил духовное образование, но монахом не стал. Он помог ей подыскать монастырь в глуши, жизнь в котором еще не была налажена, монахинь было не очень много, шла медленная реставрация, и написал сопроводительное письмо для настоятельницы. Мать Елена тогда тоже долго разговаривала с Анной, сильно сомневаясь в ее серьезных намерениях. Вопрос о ее семейном положении она не обсуждала, лишь в самом конце сказала:

– То, о чем мне написал игумен Иннокентий, несовместимо с иночеством. За время трудничества и начального послушания ты должна будешь это решить.

Анна кивнула. Она понадеялась, что о Нике в письме слова не было, только о замужестве. Но она не хотела тогда думать ни о какой суете. Антон наверняка сможет это решить без нее, как-нибудь сам, не трогая ее, не пытаясь разорвать ее кокон, который она себе вьет, вьет, чтобы туда не проникал солнечный свет.

– И еще. Монастырь – это место благодати, а не скорби. Монах радуется, а не плачет. Сейчас ты меня не слышишь, но я надеюсь, услышишь, живя с нами. Иначе тебе будет очень трудно и скорей всего не по силам жить в монастыре.

Анна опять кивнула. Это всё слова, не имеющие к ней никакого отношения. Но монастырь – это единственное место, где она близко к сыну – в те минуты, когда ее некрепкая вера позволяет ей заглянуть за порог мирской жизни и увидеть там что-то, кроме холодной пустоты и небытия, и единственное место, где нет людей, знавших бывшую Анну, которой больше нет, у которой была любовь, семья, двое изумительных детей, самый лучший в мире муж, великолепная яркая работа, спорт, друзья. Той Анны больше нет, и не надо ее искать в этой женщине, которая на нее похожа, не более того.

Глава 7

– Я больше не могу идти. Устала и пить хочу. Но надо идти.

Ника сказала это, потому что видела, что Кирилл идет еле-еле, поглядывает на нее, но ничего не говорит. Наверняка стесняется, не может же он оказаться слабее ее. А он явно слабее, хоть и мальчик. У нее – годы тренировок, она знает, что это такое, когда кажется – все, больше ни одного приседания или ни одного прыжка, а ничего, как миленькая, раз надо, то и делает дальше – и одно приседание, и сто одно, и триста прыжков...

– Давай отдохнем, – предложил Кирилл.

– Сейчас самая жара будет, вообще не пройти. Давай хотя бы вон до той вершины дойдем, может, оттуда видно будет, где спуск?

– Кому только такая идея в голову пришла – поход на выживание, без воды... – пробурчал Кирилл.

– Так весело же! – Ника слегка хлопнула Кирилла по спине. – Целый год вспоминать будем, если дорогу обратно найдем. Сколько мы еще без воды сможем пробыть? Трое суток без воды можно, но не в такую жару.

Кирилл с ужасом взглянул на Нику. Та улыбнулась:

– Но мы дорогу найдем, Кирюш, не переживай! Ясно же, море по солнцу найти можно. К морю выйдем, а оттуда уже понятно будет, куда идти.

– Но ребята же нас ждут, с нашими вещами... Мы не можем сами вернуться в лагерь...

– Точно, да. Не можем. Но и где ребята, мы ведь тоже не знаем. И как быть?

– Нужно отдохнуть... – сказал Кирилл, тяжело переводя дух и то и дело спотыкаясь на мелкой гальке. – Откуда эти камни вообще высыпаются...

– Ладно, давай посидим в тени немного, – согласилась Ника, жалея своего товарища. – Вот как раз здесь тень. Смотри только на змею не плюхнись или на тарантула какого-нибудь. Я читала, здесь есть какой-то паук ядовитый, редкий очень. Его, главное, не раздавить. Здесь в Крыму есть такие еще дикие места... С редкой фауной...

Кирилл сел у большого валуна в тени, с удовольствием вытянул ноги.

– Я вообще-то был против присоединения Крыма...

– Да? – Ника настороженно взглянула на мальчика.

– Ну да.

– Ты либерал?

– Я всегда и во всем нейтрален.

– Как так может быть?

– Я не принимаю ничью сторону.

– Но ведь свое мнение у тебя есть?

– Конечно, есть. Я ни за кого. Вот мое мнение.

– Да так не может быть! – Ника щелчком отбросила настойчиво лезущего ей на коленку огромного муравья. – Кажется, где-то рядом муравейник, осторожно. Красные муравьи.

– Местные муравьи не кусаются, – со знанием дела ответил Кирилл. – Я читал. Они другие.

– Почему? Сохраняют нейтралитет? – засмеялась Ника.

– Ты напрасно смеешься. У меня мама тоже никогда ни во что не лезет.

– А отец?

– Отец... Нет, он любит политику.

– Но ты ведь был *против* присоединения, а не нейтрален, как с этим быть? Какой же это нейтралитет?

– Не хочу с тобой говорить об этом. – Кирилл взъерошил волосы.

- Почему?
- У меня родители как начинают ругаться из-за политики... Хотя из дома беги. Ты, кстати, мне так и не рассказала про своих родителей.
- А что про них рассказывать? – удивилась Ника. – К тому же я рассказала. Работают. Всё нормально. Мы хорошо живем.
- Как-то ты это говоришь...
- Как?
- Неискренне.
- Не выдумывай. Отдохнул, нейтральный? Пошли.
- Ну что ты, теперь все время будешь меня этим понукать?
- Буду. Ненавижу, когда люди не могут определиться, с кем они. И за что.
- Я просто воевать не хочу ни с кем.
- Ясно. А если на тебя нападают, ты что делаешь?
- Я так живу, что на меня не нападают, – улыбнулся Кирилл. – Правда. Хочешь, я тебя научу?
- Разберемся. Давай сначала дорогу найдем к источнику или хотя бы назад, к ребятам. Лезем на самую вершину. Оттуда точно все будет видно. – Ника показала на почти отвесную скалу, путь к которой начинался с развилки, на которой они стояли.
- Кирилл задрал голову и с сомнением посмотрел на скалу.
- Ну, лезем... Раз надо...
- Сомневающиеся в себе могут остаться здесь, – сказала Ника и первая пошла вверх.
- Да ладно, я не сомневаюсь... – пробурчал Кирилл, идя за ней.
- Я помню, мы же по карте смотрели. Там такая дорожка была начерчена, в виде кривой «г», сначала вперед, потом направо и как будто назад. Но пока ничего такого нет. Руку давай.
- Кирилл нехотя протянул Нике руку.
- Вообще-то я должен первый идти.
- Иди, – легко согласилась Ника. – Только ты медленно идешь, осторожничаешь, так мы до вечера не дойдем. Лезь, без разговоров, – сказала она, видя, что Кирилл замешкался.
- Слушай, тут написано, смотри... Накарябано... Вот! Хорошо, что я не так несусь, как ты! – Кирилл от радости подпрыгнул на месте, как маленький.
- Что там? – Ника, которая уже залезла на уступ на скале, обернулась.
- Спускайся! Все ясно теперь! Спускайся, спускайся!
- Ника спрыгнула, приземлилась на корточки и сильно ойкнула.
- Фу ты черт, неудачно как... – Она стала растирать ногу, морщась, а Кирилл, не обращая на это внимание, показал на выцарапанные буквы на скале. – Вот, видишь, написано: «родник» – и стрелочка. Значит, к роднику ниже, а не выше надо идти.
- Да, точно... Здорово... – Ника перевела дух. – Ч-черт... Я... кажется... встать не могу.
- Что такое? – Кирилл встревоженно склонился к ней. – Подвернула?
- Не знаю... Боль такая... И не так уж высоко, просто на одну ногу приземлилась всей тушей.
- Да какая у тебя туша...
- Пятьдесят пять килограмм. Если на одну тонкую кость такая тяжесть будет, сломается. Я что, не знаю, как ноги ломают? Я-то, правда, никогда... Вот черт, а! – Ника встала-таки и попробовала сделать шаг. – Нет, не могу идти. Прыгать буду.
- И далеко ты так допрыгаешь? – Кирилл с жалостью смотрел на девочку. – Больно?
- Да любую боль можно терпеть, не в этом дело. Как идти-то дальше? Придется возвращаться. Ты наших сам найдешь?
- А ты? – Кирилл нерешительно посмотрел на Нику.
- А я здесь посижу, на красоту посмотрю.

- А потом?
- Потом не знаю. Поможете все вместе мне до лагеря дойти. Да что за черт! – У Ники от беспомощности и обиды даже выступили слезы.
- Ты плачешь? Ты умеешь плакать?
- Ника подняла на мальчика глаза.
- Я же живой человек.
- Ты – мастер спорта.
- Мальчики все-таки дебилы... – покачала головой Ника.
- Кирилл с неудовольствием поморщился.
- Что? Не так? Не все дебилы? Ты считаешь, что мастер спорта не может плакать? Ладно, иди.
- Ты одна не боишься оставаться?
- А кого здесь бояться? Волков нет, змеи на людей не нападают, косули тоже. Людей... Вряд ли прямо сейчас какие-нибудь маргиналы родник пойдут искать, как мы с тобой.
- Да, там такие в Лисьей бухте есть... Я фотографии видел, когда мы собирались... Меня мама даже сначала не хотела отпускать...
- Что, за сыночка боялась? – улыбнулась Ника, еще раз попытавшись встать. – За бебена...
- Кирилл обиженно поджал губы.
- Я – не бебен.
- Ладно, не обижайся... Нет, не смогу... – Ника закусил губу и села обратно. – Сломала, наверно... Ужасно больно.
- Сломала? – ужаснулся Кирилл. – И... что будет?
- Да ничего. Гипс поставят, через месяц снимут. Главное, чтобы ровно срослось и не пришлось ломать. У нас одному моему приятелю два раза руку ломали. На тренировке руку сломал, а зажило криво.
- Что, он... твой... приятель? – Кирилл замялся, слова не подбирались. – То есть друг...
- Ника улыбнулась.
- Просто приятель. Если ты хочешь спросить, встречалась ли я с ним – нет. Я ни с кем еще не встречалась.
- Да я... – Кирилл покраснел. – Я не в том смысле...
- И я не в том смысле... Я в том смысле не собираюсь пока ни с кем встречаться. Хотя у нас многие уже не по одному разу поменяли друзей. Ну ты в курсе. В одной школе учимся. И с учителями встречаются, ты знаешь, конечно, с учительницами то есть.
- Кирилл с любопытством слушал Нику.
- Да? Нет, не знаю.
- Не буду сплетничать. Но об этом все знают. Девочки, по крайней мере. Мальчики ведь в каком-то другом мире живут.
- О чем знают?
- Да что мы сейчас вдруг об этом заговорили? Иди к ребятам, главное, не заблудись. Знаешь, я когда-то читала в одной приключенческой книге... Может, ты будешь как-то пометать, где ты шел? Если их не найдешь, по крайней мере, ко мне вернешься. Тут на самом деле дорог не очень много, но заблудиться можно.
- О чем все знают, расскажи. – Кирилл присел рядом с Никой и осторожно провел двумя пальцами по ее ноге. – Больно?
- Больно. – Ника чуть отодвинула ногу. – Какие же мальчики сплетники! В сто раз хуже девочек.
- Я не сплетник, – обиделся Кирилл. – Просто мне интересно.

– Физичка молодая, классная наша, с парнем живет, из нашего же класса. Все об этом знают.

– В смысле – живет? – Кирилл глупо разулыбался.

– В интимном смысле, Кирюша, ты что, вчера родился?

– Как ты пошло говоришь...

– Во дает, а! Вы смотрите на него! Сам любопытничает, а потом еще ругается. Ну не спрашивал бы! Ешь дальше свою манную кашу, самый лучший продукт питания для нейтральных бебенов! Все, иди. – Ника откинулась к камню и закрыла глаза.

– А... Как он... прямо у нее дома живет?

Ника засмеялась с закрытыми глазами.

– Интересно, правда? А не слишком пошло для тебя? – Она открыла один глаз и посмотрела на Кирилла. – Ты еще здесь?

– Ну я так не могу уйти... Надо же договориться, как и что...

– А, да. Вон, сорви ветку, видишь куст с красноватыми листьями? И клади листья, если сворачиваешь куда-то, чтобы потом запомнить. И если возвращаться придется, ну и когда ребят ко мне приведешь. А то вы меня не найдете.

– А ты не боишься одна оставаться?

– Ты уже спрашивал. Даже если боюсь, дальше что?

– Не знаю... – Кирилл потоптался и снова сел рядом. – А кто этот парень?

– Да что ты так разволновался?

– Интересно...

– Ну да, понятно... Твой ровесник, а встречается со взрослой женщиной... Как он может у нее жить? У него же родители есть, и он пока несовершеннолетний. Статья такая уголовная есть, мы проходили по праву, сто тридцать четвертая, кажется.

– А как же они...

– Любовь! – вздохнула Ника. – У нее любовь, кажется.

– А у него?

– А он еще и к девчонкам подбивается.

– К тебе? – живо спросил Кирилл.

– Ко мне в том числе. Вы же полигамны. И обидно вам, почему в некоторых странах мужчине можно иметь четыре жены, а некоторых – нельзя.

– Мне не обидно, – сказал Кирилл.

– Потому что ты еще маленький! Вот подрастешь, тоже обидишься.

– То есть что, у моего отца было бы еще три жены?

– Всего до четырех, по финансам. Кто сколько прокормит. Их же кормить надо, жен! Они бы все жили вместе с вами. И ты бы себе присматривал не одну девушку... – Ника увидела, как румянец стал медленно разливаться по щекам Кирилла, – а еще двух или троих. Тем более, я думаю, что ты так и делаешь.

– Нет! – твердо сказал Кирилл. – Нет. – Он помедлил, потом неловко потянулся к Никиной щеке, ткнулся в нее носом и замер, как будто прислушиваясь к чему-то.

Ника тоже замерла, не отстраняясь, ничего не говоря. Кирилл чуть подождал, потом резко встал, отряхнул бриджи, расправил плечи и сказал:

– Ну что, я пошел?

– Иди.

Ника снова откинулась к скале, глядя, как Кирилл на длинных тонковатых ногах быстро пошел вниз по тропинке, стараясь выглядеть взрослым и уверенным. Очень этому мешали желтые носки с котятками по бокам, которые Кирюша надел в поход. Неужели на такие огромные ноги – размер, наверно, сорок пятый – делают носки с котятками? Как раз для таких вот Кирюшек, наверно... Модные юноши, наоборот, носки сейчас не носят. Но в поход пришлось

надеть – можно натереть ноги. Иногда самые на вид неприспособленные к жизни мальчики оказываются удивительно практичными.

Кажется, Кирилл пытался ее сейчас поцеловать, просто растерялся. Однажды к ней ее уже подступался с поцелуями один мальчик. Это было в пятом классе, на спортивных сборах. Она в первый раз поехала на сборы и там семиклассник, имеющий славу ловеласа, взялся за ней увиваться. Хорошо, что он ей совсем не нравился, потому что он любил привлечь девочку, при всех пройти с ней в обнимку, целоваться напоказ, а потом нарочито не обращать на нее внимание. Одна девочка после такого даже ушла из их спортшколы, от обиды и стыда. И к Нике он подбивался, подбивался, но все зря. Однажды зашел вразвалочку в их раздевалку, с ходу подошел к ней и поцеловал. Ника с отвращением оттолкнула его, от него пахло табаком, колбасой, еще чем-то тухлым и неприятным. С тех пор она очень боялась – когда придется целоваться по-настоящему, что она будет делать, если от мальчика, который ей понравится, будет так же пахнуть.

От Кирилла сейчас никак не пахло, и она не успела разобраться, нравится он ей или нет. Сначала показалось – да, вот оно. И она так радовалась, что пошла именно с ним в этот поход. Но сейчас она уже сомневалась в себе. А главное, ей было не до амуров, она переживала – что делать с ногой?

Вот удивительно. Она, ловкая, никогда не падающая, имеющая прозвище «ласточка» в горнолыжной школе – не только по фамилии, но и за то, что она на склоне стремительна и легка и летает, а не просто съезжает с горы, она спрыгнула с полутораметровой высоты и сломала ногу. То, что кость сломана, у Ники сомнений почти не было. Если она двигала ногой, то боль усиливалась, щиколотка распухла на глазах, дотронуться до ноги было невозможно. Остается надеяться, что Кирилл найдет дорогу. А иначе... Все равно ее кто-нибудь заберет. Когда-нибудь в лагере хватятся, Олег вызовет МЧС, будут летать на вертолетах – если есть свободный вертолет, здесь пока все еще не налажено, очень запущено, даже электричество не везде проведено, и связь сотовая плохая.

Что бы сейчас сказала мама, что бы ей посоветовала? Почему ей приходит в голову эта мысль? Мама ее бросила. Ничего бы мама не сказала. Зачем она вообще о ней думает? Матери все равно, как она живет. Сломана ли у нее нога, начала ли она в пятнадцать лет встречаться с мальчиками, курит ли она, пьет, как многие в ее школе.

Когда-то Никина школа была одной из лучших в районе, все стремились туда попасть, и мама как раз радовалась, что ее приняли – они не совсем рядом со школой живут. В младших классах все прибавлялось и прибавлялось по букве, – первый «Г», первый «Д», уже и первый «И» – все рвались в эту школу... Но когда школьные учреждения стали укрупнять и из хорошей крепкой школы вдруг образовался огромный, расплывшийся по всему району учебный центр, объединивший восемнадцать садиков и четыре школы, то атмосфера в их школе сильно изменилась, а точнее, школа стала другой. Перемешали классы, резко упала успеваемость, пришло много новых учеников и учителей, невозможно стало уследить за элементарной дисциплиной, мат стал нормой, так же как и сигареты, и легкие наркотики, и домашнее порно, которое снимают их ученики и выкладывают в школьную беседу «Подслушано: мой лицей»... Школу объявляют по гимназией, то лицеем, то учебным центром – по каким-то формальным признакам. А по ее коридорам тем временем гордо дефилируют «порнозвезды» и «порнопродюсеры» – самые знаменитые, самые скандальные, самые взрослые и успешные... «У тебя сколько просмотров? – Восемьсот! – Отстой! А у меня – одиннадцать тысяч!» Одиннадцать тысяч раз школьники посмотрели, как хрупкая Лиза из девятого класса беззастенчиво отдается невзрачному, прыщавому, с угрями по всему невыросшему телу Вованчику Ихминеву, непонятной национальности, но очень резвому, наглому и вполне умелому подростку.

Ее отец попытался сказать что-то на собрании, но его тут же осадили:

– Своим ребенком занимайтесь! Про других пусть их родители думают!

– Правда, Антон Сергеевич, – поддержала Элеонора Григорьевна, классная руководительница, оправляя на полной груди ярко-малиновую обтягивающую кофточку, – у Ники тоже проблемы есть.

– Какие? – устало спросил Антон, жалея, что ввязался в неприятный разговор.

– Во-первых, она часто опаздывает, дисциплина у нее на нуле. Приходит к третьему, а то и к пятому уроку.

– У нее тренировки утром.

– В девять утра? – усмехнулась классная.

– В семь тридцать, – терпеливо объяснил Антон. – Олимпийский резерв.

В классе кто-то из родителей хмыкнул.

– Ну вот я и говорю! – кивнула Элеонора Григорьевна. – Пропускает столько из-за тренировок! Олимпийский резерв... Мы уважаем спортсменов, конечно, наша директор Луиза Ивановна всегда так говорит...

– Но они такие же, как все! – улыбнулась маленькая женщина в очках с фиолетовым отблеском на стеклах. – Спрос с них должен быть такой же. Чем они лучше?

– Ничем! – поддержала ее еще чья-то мама. – У нас все равны! Демократия!

– Равенство вообще-то закончилось вместе с социализмом... – пожал плечами Антон.

– Вот! А я думаю – откуда это у Ласточкиной? – ухмыльнулась классная.

– Яблоко от яблони... – блеснула очками маленькая родительница.

– Дисциплина... да... Ну, а во-вторых... – Классная облизала губы и чуть помедлила, пристально глядя на Антона. – У вас же не все в порядке в семье, так? Почему ваша жена не приходит на собрания вот уже два года?

– Вы что, с ума сошли? Я вам про школьную порнографию говорю, которую они снимают и смотрят на переменах, а вы мне про опоздания и...

– Собой займись! У себя в огороде ковыряйся! – громко посоветовала ему крупная женщина с очень небольшой головой, крашенной в разноцветные перья – желтые, оранжевые, черные, белые, председатель родительского комитета. – Орет, пришел... Как с учителем разговаривает... Планку задрала твоя Ника, вот под нее все учителя задания дают. Вы определитесь: или у вас спорт, или вы учитесь. А то везде хотите успеть... А так не бывает! Об этом лучше поговорим, это всем интересно, а какое-то там порно-шморно... Я вообще про это знать не хочу! Дети балуются кто как может, что мне до этого дерьма, если это правда, конечно... Они ж дети еще!

– Нинель Вениаминовна, Нинель Вениаминовна... – заторопилась классная. – Давайте не будем ссориться... В каждой семье проблем хватает, дети все хорошие, класс очень недружный стал, но дети по отдельности все хорошие!

– Ага, особенно те, кто напился на дискотеке под Новый год и в блевотине своей на первом этаже валялись, – сказал Антон, убирая в портфель планшет, куда он собирался записывать важную информацию.

– Как же так можно о детях говорить! – покачала головой чья-то мама с налысо выбритыми висками и большими командирскими часами на запястье, Антон потом пытался описать Нике ее, она догадалась, что это скорей всего Пашина мать.

– Откуда знаешь-то? – Нинель Вениаминовна называла Антона на «ты», возможно, потому, что их дети учились вместе с первого класса.

– Да я сам видел, – пожал плечами Антон. – Приходил за Никой, встречал после дискотеки.

– А меньше пасти надо детей! Больше самостоятельности им давать! – сказала все та же мамаша с бритыми висками. – Мы, что, сами в юности по кустам не бегали, не прятались от родителей? – Она засмеялась, оборачиваясь, чтобы посмотреть, поддерживают ли ее другие.

Кто-то из родителей кивнул, кто-то опустил голову – какой смысл связываться? – Свобода! Свобода им нужна! Пусть себя ищут!

– Видел, так забудь, – посоветовала ему Нинель Вениаминовна. – Что грязь тащить из дома? Школа – дом родной! Ротик на замочек и...

– Выбросить! – подхватила мама, ратующая за свободу для подростков.

– Не-ет! – засмеялась Нинель Вениаминовна. – Ничего подобного! – Она выразительно показала, как надо Антону запереть рот и куда именно спрятать.

Классная хохотала до слез вместе со многими родителями, Нинель Вениаминовна, поощренная их реакцией, сделала дубль «два» – заперла свой собственный рот на замочек, приподнялась, оттопырила огромный зад, туго обтянутый плотными светло-серыми штанами и, хлопнув себя большой рукой, еще раз показала потайное место, куда можно спрятать ключик, вдруг еще пригодится? Рот отпереть, чтобы гавкнуть...

Антон тогда пришел с собрания разъяренный, сказал Нике, чтобы она искала себе другую школу, а он пойдет договариваться о переводе.

Ника посмотрела в «Подслушано» двух других образовательных центров ее района – там то же самое, тот же мат, те же шутки, неприличные фотографии. И сказала отцу, что смысла переходить нет.

– Здесь, по крайней мере, папа, мне понятное зло. Я знаю, с кем лучше не садиться за одну парту, с кем в туалет вместе не заходить, с кем не надо ездить на экскурсии...

Антон схватился за голову.

– И ты так живешь? Давно? Ты мне ничего не говорила.

– А смысл, пап?

– И что, ты хочешь сказать – везде так? И нет других школ?

– У нас в районе, наверно, нет. Перемешали же всех. Раньше понятно было, куда не надо идти, если не хочешь напороться, а сейчас все вместе. Может быть, где-то есть в Центральном округе школы... Не знаю. А там, кстати, мажоры озверевшие, наверно. На желтых «Бентли».

– Так, и что будем делать? – беспомощно развел руками Антон. – Мне вот посоветовала твоя классная руководительница тебя на домашнее обучение перевести, если нам что-то активно не нравится в школе...

– Лялька-то? Сама она пусть на домашнее обучение перейдет, – засмеялась невесело Ника. – Учит дома наших мальчиков безопасному сексу.

– Ника! Ника, ты что говоришь...

– Пап... – Ника подошла к отцу и обняла его. – Ты в другое время рос, понимаешь? Мир изменился. Ты, наверно, не успел этого понять. Я – нормальная, приличная, ты все правильно делаешь, молодец, – Ника поправила отцу очки, – прилежно воспитываешь меня. Не беспокойся обо мне, ладно? В другую школу я не пойду, здесь я приспособилась. Из учителей у меня только две сволочи... Нет, три, наверно. Ну, третья так... Если напрямую не столкнуться, ничего, жить можно. Остальные – совершенно нормальные люди, даже есть отличные, я их люблю. Разве это не повод оставаться в этой школе?

– Дочка... – Антон, ошарашенный, крутил головой. – Когда ты такой стала? Как это случилось? Ты такая взрослая... Почему – сволочи?

– Сформулируй точно вопрос, – сказала Ника, отсаживаясь от отца, села напротив и подперлась кулаками. – Слушаю тебя, буду отвечать по одному.

– Я... Мы... У меня друзья со школы... до сих пор...

– И у меня в классе есть подружка, Таня, ты знаешь, мы с ней тоже, наверно, всю жизнь будем дружить. И еще пара приятельниц, у которых я могу узнать уроки. Дальше.

– Да нет, Ника... Ну как так?.. Что случилось со школой?.. Эти все родители... Так же не было...

– Классная такая. Рыба тухнет с головы. Как она себя ведет, как позволяет мальчикам себя вести, так всё в классе и есть теперь у нас.

– Ну а кто все эти люди, которые смеялись, когда эта бабища встала, задницей мне прямо в лицо, ужас...

– Пнул бы ее, – отмахнулась Ника. – Ей, наверно, не привыкать.

– Ужас, ужас... Нет, ну что это?..

– Пап. – Ника положила руку на ладонь отца. – Успокойся, пожалуйста. Можешь гранату в них бросить. Вам выдают гранаты на работе?

– Ника! Не смешно.

– Тогда скажи спасибо, что пока мы с оружием в школу не ходим и хотя бы курить запретили на территории школы. А раньше слева училки стояли дымили, справа их юные любовники...

Антон, не веря своим ушам, все качал головой.

– Ну как же так, Ника, почему, когда?.. Я ничего этого не знал. Ты не рассказываешь ничего...

– Я другое тебе рассказываю, пап. Позитивное. Разве нет? Про своих друзей... Комиксы всякие... Кто что смешное сказал...

– Комиксы... Какие комиксы, когда у вас такой ужас в школе...

– Это не в школе, пап. Жизнь другая, понимаешь? Не такая, как ты мне рассказывал и... – Ника хотела сказать «и мама», но осеклась. – Ну, в общем, как мне обычно говорили. Все поменялось. Вы же не хотели больше строить коммунизм или что вы и ваши родители там строили? Хотели борьбы за выживание, неравенства, чтобы была возможность стать миллиардером, хотя бы теоретически, чтобы можно было все что угодно говорить. Вот, например, задницу показывать на собрании. Снимать порноролики, просматривать их на переменах. Первый раз, когда сняли, у нас уроков не было. Все сидели, смотрели эти ролики. Потом уже спокойней стали относиться.

– И ты смотрела? – как можно нейтральнее спросил Антон.

– Я видела у Таньки в телефоне, что там и к чему, кто с кем. Нет, я не стала смотреть.

– Почему? – тихо спросил Антон.

– Почему? – изумилась Ника. – Ты меня не хвалишь, а спрашиваешь – «Почему?»

Антон кивнул.

– Хочу тебя понять, Ника.

– Испугалась, – пожала плечами девочка. – Да, испугалась! Что ты так недоверчиво смотришь? Трудно объяснить тебе.

– Ладно. – Антон обнял дочь. – Прости меня, я как-то... пропустил это все.

– Пап, все нормально, не преувеличивай.

Ника передвинулась в тень, которая сместилась чуть вправо. Что вдруг она об этом вспомнила? Просто подумала, как иногда не хватает мамы. Лучше правду себе сказать, тогда сразу успокаиваешься.

Антон раньше никогда не ходил в школу, даже на первое сентября. Вечно занятая Анна все-таки находила время, чтобы сходить на собрание или забежать в школу, принести справку, договориться о том, что Ника опять едет на сборы. Поскольку Ника отлично училась – не только для спортсменки, а на уровне школы, у нее проблем не было.

Когда у них был старый класс и другая классная, атмосфера в классе была нормальной. Но после перемешивания параллелей и особенно с приходом Элеоноры Григорьевны все изменилось. Но это пришлось как раз на самый трудный год в их семье. Пока они с отцом пытались как-то начать жить по-другому, в их классе и происходили главные перемены, причем не к лучшему. Центр класса переместился, вокруг новой молодой классной активно завертелись мальчишки – и их собственные записные ловеласы, и вновь пришедшие.

Шесть-семь мальчиков постоянно находились около молодой учительницы, проводя с ней все перемены, прогуливая другие уроки, запираясь с ней в классе. Элеонора Григорьевна покупала еду, салаты, нарезку, заваривала мальчикам кофе, они вместе смотрели американские боевики, музыкальные ролики. Жила Элеонора Григорьевна в съемной комнате, с соседкой, поэтому в школе задерживалась допоздна – домой ей не к чему и не к кому было стремиться, мальчики часто оставались с ней тоже до позднего вечера. На уроках они стали называть ее на «ты», между собой звали «Лялька», а Лялька, хоть напоказ и сердилась, не могла скрыть своих симпатий. Наряжалась, сильно душилась, распускала волосы, все перекладывая и перекладывая их руками на уроке – то за ухо, то назад, то вперед, то на лоб. Ника иногда сидела и считала – сколько раз классная потрогает свои волосы и переложит их с места на место. Тридцать семь, сто шестнадцать... Уроки у нее были скучные, по физике Ника числилась в базовой группе, где обучение было не профильным, поверхностным, и учительница так и относилась к их группе. Пришли, поковыряли задачку, да и ладно. Сама она физику, может, и любила, но не так сильно, как мальчиков.

Поскольку в их классе все это происходило постепенно, то как-то все незаметно и привыкли. Ну так, значит так. Бывает по-разному. Бывает еще хуже. Лялька, по крайней мере, не издевается, как некоторые. Кто-то унижает изошренно, тонко, кто-то грубо и глупо, но все равно ведь – не ответишь. Пока учитель не сделает что-то, во что должна вмешаться прокуратура, администрация школы до последнего будет его защищать. Корпоративная этика, наш всегда прав, потому что он наш. Так было в их школе уже не раз. Ударил учительница третьеклассница – уговорили родителей по-тихому перейти в другой класс. Ударил та же учительница девочку – уговорили по-тихому перейти в соседнюю школу. Не остановила другая учительница детей, когда они впятером избивали девочку, стояла невдалеке, переписывалась с кем-то по телефону, только кричала: «Ну хватит там орать, что вы разорались так? Голова лопнет от вас!» – настойчиво порекомендовали уйти из школы тем родителям, которые все видели, остановили детей и решили потом основательно жаловаться на эту учительницу, а девочка та учится до сих пор в их школе – и ничего. Вот теперь в школьных порнороликах снимается... Звезда...

Унижает еще одна учительница мальчика, издевается над его бедностью, над жалким пиджаком, над застиранной рубашкой, над старыми ботинками, над серыми носками, которые собираются кучей... А что с этим поделаешь? Все ведь знают, почему. Потому что два года назад она пришла в праздник, 23 февраля, в футболке с принтом американского флага на всю грудь и огромный живот, а мальчик сфотографировал ее да и ВКонтакте выложил, с подписью «Так празднуют День защитника Отечества в моей школе». А кто-то принес, показал учительнице. И она никак простить не может. Обиделась, возненавидела. Он же за два года не нашел возможности извиниться.

Школа – это место, где ломают души. Потому что власть учителя над душами детей ничем не ограничена.

Антон ничего этого не знал. Ника иногда рассказывала отцу о событиях в школе, но он так расстраивался, с каждым неприятным событием собирался идти в школу разбираться, писал что-то, какие-то объяснения, заявления, никогда эти заявления не относил, но переживал сверх меры. И Ника перестала ему рассказывать. Пусть отец думает, что у нее хорошая школа. У него и так хватает переживаний. И работа нервная, ответственная, и зрение стало ухудшаться, и жена ушла, и сын погиб, и вообще. Отец тонкий и чувствительный человек, ему надо было не офицером быть, а учителем словесности в гимназии начала прошлого века. Отпустил бы бородку, надел бы золотое пенсне, объяснял бы гимназистам, почему рассказ «Дом с мезонином» всегда будет трогать душу человека, как бы вокруг ни менялся мир...

Ника попыталась встать. Потихоньку, опираясь на скалу. Встать получилось, но идти было невозможно. Девочка села обратно. Главное, не поддаваться панике. Она много раз

видела, как от неожиданной травмы, особенно перед соревнованиями или во время них, ее товарищи теряли контроль над собой, срывались. Придется пережить это. Ничего, вернется в Москву. Отцу будет веселее. Сначала он расстроится, но она будет ждать его с работы, вечером они будут болтать, как обычно, Ника будет готовить, за эти два года она с трудом научилась готовить, раньше у нее совсем ничего не получалось, и теперь даже полюбила, стала придумывать какие-то свои блюда. Какой еще может быть позитив от того, что она сломала ногу? Наведет порядок в своих шкафах, побольше прочитает... На выходные на дачу поедут, может, посадят укроп или какие-то новые цветы. Раньше Анна умудрялась что-то выращивать на даче, то, что не требует особого ухода и регулярного полива. Но уже два года сад у них совершенно запущен, растут только елки – вдруг пошли вширь и ввысь, а осенью грибы – лисички, сыроежки, подберезовики, белые. И яблоня неожиданно стала давать много яблок – сочных, необыкновенно красивых, словно налитых светом, не очень сладких, хранящихся до Нового года... Вот, посидит в саду, почитает, с ногой в гипсе особенно не поработаешь садовником...

Ника вздохнула. Может, просто поплакать? Чем искать позитив в том, в чем позитива нет никакого. Разрешить себе в кои веки раз. От этой мысли плакать расхотелось тут же.

Ника стала наблюдать за красивой бабочкой, которая все летала вокруг и садилась на совершенно не подходящие предметы. На яркий серо-голубой камешек, на сухую палочку, на ее ногу... Ника дотянулась до фотоаппарата, чтобы сфотографировать бабочку. Светло-коричневая с золотыми и ярко-голубыми всполохами на крыльях... Пошлет отцу, когда вернется в лагерь, у нее в камере есть прямой выход в Интернет, отличный мамин фотоаппарат.

Раньше Ника не любила фотографировать, начала год назад, совершенно неожиданно. Сначала стала фотографировать айфоном, а потом подумала и взяла мамину камеру, все равно лежит без толку. У нее получались фотографии и людей, и природы. Ника видела какие-то особые ракурсы, в которых привычное казалось красивее, чем оно есть на самом деле. Приятно иногда в себе обнаруживать художника, тем более, что никто никогда не считал, что у Ники есть какие-то художественные задатки. Рисовал маленький Артем, отлично рисовал. А Ника легко училась и сразу стала опережать всех на лыжах. Об искусстве как-то и не думала. Вот теперь сломала ногу, можно будет посидеть, разобраться в фотографиях, может быть, что-то послать на фотоконкурс, как она давно собиралась...

– Привет! – Неожиданно раздавшийся голос Кирилла заставил ее вздрогнуть. – Испугалась?

– Ну да... Ты что? Заблудился?

Кирилл обиженно посмотрел на нее и протянул ей красивый фиолетово-голубой цветок с пушистой головкой и резными бархатными листочками.

– Клещей нет? – Ника осмотрела цветок.

– Какая ты...

– Что? Думал, буду ахать и охать? Красивый цветок, спасибо. Но на нем могут быть клещи, Олег нас предупреждал – ничего не срывать и, главное, на себя не прикреплять – ни в голову, ни в карман, ни в петлицу. Помнишь инструкции? Я привыкла слушать, что мне говорят.

– Поэтому ты в пятнадцать лет – мастер спорта?

– Может, и поэтому, – пожала плечами Ника. – Ты почему вернулся? Дорогу не нашел?

– Вернулся, потому что подумал, что... Ну в общем, вставай, если можешь. Я тебя донесу.

– Ты? Меня? Я с одеждой около шестидесяти килограмм вешу.

– Ну... Не знаю. Я попробую. Не надо тебе одной здесь оставаться. Я... – Кирилл хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой.

– Ладно. Спасибо. – Ника осторожно встала, стараясь не охать.

– Не лучше нога?

– Лучше, – соврала Ника.

Кирилл подошел поближе к ней.

– Опирайся на меня. Ну так вот... рукой... – Он неловко показал, как Ника должна обнять его за шею.

– Хорошо... – засмеялась Ника. – Я поняла! Тебе стало одиноко и холодно. И ты решил за мной вернуться, да?

Кирилл нахмурился.

– Я... Фу... Ну ты сбила меня...

– А ты хотел романтически, да?

– А ты – нет? – искренне спросил Кирилл.

– Я... Встань лучше с этой стороны. И ерунду не спрашивай. Спасибо, что вернулся. А то пошли бы к роднику за водой маргиналы из Лисьей бухты и... не знаю, что бы было. Тут всякие истории рассказывают. Ужасные...

– Да, я слышал... Сможешь прыгать на одной ноге?

– Повиснув на тебе – да.

С шутками и прибаутками они пошли вниз по дорожке. Ника нарочно шутила, потому что чувствовала себя очень неловко. Не думала она, что ей придется обнять Кирилла, на самом деле повиснуть на нем и так идти. Да и не привыкла она быть зависимой и беспомощной.

Лицо Кирилла сейчас было так близко. Ника чувствовала, что ей совершенно не противно обнимать его, а скорей, наоборот, приятно. Еще ей было приятно, что он держал ее за талию крепко, но никак не проявлял больше свою симпатию. Странно бы было идти с поврежденной щиколоткой, еле-еле скакать на одной ноге и на ходу целоваться. От этой мысли Ника фыркнула. Кирилл покосился на нее:

– Все хорошо?

– Отлично! – засмеялась Ника. – А как себя чувствуешь?

– Я... Хорошо... Не помнишь, сейчас нам не надо на эту тропинку свернуть?

Ника с сомнением посмотрела на развилку дороги.

– Я думала, не забуду. А тут так все похоже... Мне кажется, ближе к скале надо идти. Мы тут шли... Да, точно, еще этот выступ на птицу похож, смотри!

Кирилл вместо того, чтобы смотреть, куда показывала Ника, смотрел на нее.

– Что?

– Нет, ничего, – застеснялся он. – Просто...

Ника вспомнила неожиданно, как Танька рассказывала ей о своем дачном романе. Ей нравился мальчик Гоша из их садового товарищества, она ему тоже, но он не проявлял никакой активности. Танька томилась все лето, смотрела, как он гоняет мимо ее участка на велосипеде, как ходит на речку с младшим братом, сама дефилировала мимо их дома, то так нарядится, то эдак – без толку. Наконец она решилась. Пригласила его по грибы, хотя терпеть не могла собирать грибы. А что ей, истомившейся, было делать? Лето кончается, скоро домой, а Гоша все никак – намеков не понимает, сам никуда не зовет. Только смотрит, голову выворачивает, вздыхает и дальше едет. А Танька художник. Ей вдохновение нужно, для любовных песен. Ждут же ее поклонницы. Танька все ткет из себя, из своих страстей. А какие это страсти? Все лето на сетку-рабицу с надеждой смотреть, ждать, пока Гоша на велике промчится.

Гоша спросил разрешения у бабушки, та разрешила, поскольку Танька – девочка положительная, не курит, шариков металлических в бровях, в ноздрях и в пупке нет, с деревенскими на речку не бегают, с пивом там полуголая не сидит в обнимку с парнями. Гоша надел высокие сапоги, кепку с москитной сеткой и пошел с Танькой по грибы. Грибов они нашли мало, но зато в лесу Танька шла с ним за руку, под видом того, что боится больших коричневых жаб, расплодившихся после недели дождей. Дальше дело не пошло.

Тогда она пригласила его на речку, вода была уже холодной, но ради такого случая Танька рискнула искупаться. Гоша пришел с другом, друг полез в воду, а Гоша, из-за которого Танька

так собой жертвовала, в ледяную воду собиралась нырять, – нет. Танька решила все же поплавать, хотя бы повод был раздеться, поблистать фигурой – Танька невысокая, но стройная и хорошо сложенная, тем более купальник у нее с толстым поролоном в груди, да черный, с тугими перевязками на бедрах. Друг Гошин в воде ее догнал, поплыл рядом с ней, а выходя на берег, недвусмысленно обнял ее под водой, так, что Гоша ничего не видел, а Танька все поняла. А что ж тут не понять! Влюбился! Раз за ноги хватает... Пятнадцати минут человеку хватило и чтобы влюбиться, и чтобы начать действовать...

Вечером она уже всю целовалась с Гошиным другом, и назавтра целовалась, и еще дня три, упоенно, за все свои впустую потраченные летние дни. Танька так ждала любви... А потом друг предложил ей познакомиться еще ближе. В лес ее повел, место тайное показать, где дупло в сосне старой есть и орехи на лещине созрели. Танька на поляну пошла, в дупле сфотографировалась, орехов порвала, но знакомиться поближе не то чтобы испугалась... Но как-то сразу не решилась. Решила повременить, написать пока пару новых песен обо всем этом. Орешина, дупло, поляна, горячий друг, она – недотрога, слезы разочарования... А Гоша как-то вдруг забеспокоился, стал заходить к ней по два раза на день – то за тем, то за этим. То книжку взять, то программу ей закачать полезную, то вернуть воланчик от бадминтона, который Танька потеряла года три назад на поле... Придет и все не уходит, трется, трется, топчется... Она взяла как-то его и сама поцеловала. Зря, что ли, она столько о нем думала! Гоша слегка удивился, не вырывался, стоял, руками качал, потом Таньку обнял – неловко, но очень крепко. Ушел красный, довольный, писал потом всякую ахинею ей весь вечер и всю ночь, но больше не пришел. Танька видела, как рано утром бабушка увезла его на станцию на такси. И друг Гошин больше не пришел, смертельно обиделся, наверно, что Танька не решилась с ним сблизиться на поляне под орешинной, а только смеялась и фотографировалась. Вот Танька лукаво смотрит из зарослей лещины. Танька зажала губами веточку с четырьмя орехами. Орешки еще незрелые, у них такие смешные зеленые хвостики... А вот Танька спряталась в тени дупла и выставила вперед крепкую ножку в задорных коротеньких шортиках и полосатых высоких гольфах... Коленка загорелая, поцарапанная, гольфы с зелеными полосками, чуть сползли... О том, как порознь уходили с поляны, фотоистория умалчивает.

Совершенно растерянная и расстроенная, Танька через два дня сама уехала в Москву – пора было уже в школу идти, в десятый класс. Песен написала об этом за осень – немерено. Успех у поклонниц в Интернете имела огромный. «Ты ушел, не обернулся...» «Я ушла, не обернулась...» «Ты сказал, что время есть, но ушел, не обернулся...» «Ты смотрел, а я стояла, растерявшись, перед тобой, как будто сердце потеряла...» «Ты хотел, чтоб все, как раньше, то теперь ты мне чужой...» И так далее. Песни из Таньки лились, и все о том же. О рифмах она особенно не заботилась – какие уж тут рифмы, когда наконец душа рвется и можно сочинять без остановки. Восемьсот новых подписчиков за осень! Танька часто сочиняла прямо на ходу. Включит камеру, сядет с гитарой перед ней, начинает петь, что-то новое вспоминает, какую-то маленькую деталь – например, что на поляне, где Гошин друг рассчитывал познакомиться с ней поближе, стоял старый трухлявый пенек, и из него росли цветы с темно-зелеными бархатными листьями и фиолетово-розовыми соцветиями. И вот – песня сегодня пошла в другую сторону, обросла новыми куплетами, закудрявилась...

Про самого Гошу пелось хуже, потому что она так понять и не смогла, что с ним произошло. Он ее еще и Вконтакте заблокировал. Можно, конечно, надеяться, что это Гошина бабушка ее заблокировала или заставила его, стояла над ним с ремнем или с утюгом раскаленным и кричала: «Блокируй, паразит!» Она часто кричала на Гошу, Танька слышала то и дело, как с их участка доносилось: «Поли огород, паразит! Воду выключай, паразит! Штаны застегни, паразит! Ходит, паразит, глазами зыркает!» Но он мог бы и не послушаться бабушку... Мальчишки – странный народ. С логикой у них плохо. Точнее, ее вообще нет. Об этом Танька могла говорить с Никой до бесконечности, пока у Ники не кончалось терпение.

Ника, выслушивая в очередной раз Танькины воспоминания о ее летних приключениях, посоветовала ей искать «парня» среди мужчин постарше, лет двадцати семи, у тех хотя бы мозги есть, возможно, набегались уже по кустам и по полянкам. А сама взяла и влюбилась в ровесника, хлюпика, на тонких ножках, не очень уверенного в себе. Влюбилась? Ника взглянула на Кирилла, которого сейчас вынужденно обнимала за шею. Иначе бы она идти не смогла. Да, скорей всего, влюбилась. По крайней мере, он ей нравится, и ей приятно обнимать его за шею. Даже нога как-то меньше болеть стала, хотя она прыгает, то и дело оступаясь и задевая правую ногу.

– Давай чуть отдохнем. – Ника, запыхавшись, остановилась.

– Давай. – Кирилл выдохнул. – Фу, устал.

Они сели на большой валун, поросший живописным желтоватым лишайником. Он рос неровно, создавая удивительные узоры. Вот чье-то лицо, удивленно открытый рот, прищуренные глаза, вот кошка с тремя лапками, вот выброшенный вперед кулак... Ника погладила приятный теплый камень и посмотрела на Кирилла.

– Ты подружку мою знаешь школьную? Таньку?

Мальчик подумал.

– Толстая такая? С огромными сережками? Всегда в шортах ходит и черных колготках?

– Нет.

– Рыжеватая, с красными губами и пирсингом под губой?

– Нет.

– А! Маленькая, в черных кожаных брючках, и майка еще такая, как будто ничего нет, прозрачная?

– Да нет же! – засмеялась Ника. – Моя подружка Танька, симпатичная, невысокая...

– Не, я из вашего класса только этих знаю.

– Самых шлюшек назвал, – продолжала смеяться Ника.

– Не говори так, – нахмурился Кирилл.

– В смысле?

– В смысле, зачем ты так плохо о своих одноклассниках говоришь?

Ника чуть отодвинулась от Кирилла, который сидел совсем близко к ней, касаясь коленкой ее ноги.

– Говорю, как есть. Называю вещи своими именами.

– Не надо никого осуждать, – назидательно проговорил Кирилл.

– Ты баптист, что ли?

– Почему? Это же из Евангелия.

– Здорово, что ты Евангелие читал... Просто так настойчиво обычно сектанты проповедуют.

– Я не проповедую. Но почему ты так о девочках говоришь?

– Потому что они шлюшки. С седьмого класса с парнями гуляют.

– В смысле – гуляют? – глупо разулыбался Кирилл.

– Спят.

Кирилл покраснел и стал смеяться.

Ника вздохнула.

– Да. Твоя невеста еще в первом классе учится.

– А... откуда ты про них знаешь?

– Ведь самое интересное – это о таких девочках поговорить, правда, Кирюша?

– Нет. – Кирилл надул губы и отвернулся.

– Откуда знаю... Да потому что все об этом знают! Или мальчики в каком-то другом мире живут? Ты наше школьное порновидео не смотрел?

Кирилл покраснел теперь до самых волос и кивнул. Потом отчаянно замотал головой.

– Ну вот, так эту маленькую, «в кожаных брючках», как ты выражаешься, ты не узнал там разве?

Кирилл растерянно поднял брови:

– Но... это одно с другим не связано... Она же может быть хорошим человеком, правда?

– Правда! – опять засмеялась Ника. – На передок слаба, а душа чистая, котят жалеет, плачет, когда их топят... Это имеешь в виду? Только почему-то так выходит, что среди них как раз больше всего стукачек. Наша Лялька называет их «хорошими людьми», точно как и ты. Любой, кто готов стучать, – «хороший человек».

– О чем стучать?

– О том, кто и что про учителей говорит, кто деньги не сдавал на подарки ей лично...

– Ты кем собираешься быть? – вдруг перебил ее Кирилл.

Ника не удивилась перемены темы, у нее тоже иногда в голове так резко меняется направление мыслей.

– Не знаю еще. А ты?

– Нет, скажи мне сначала про себя.

– Я правда не знаю. Может быть, общественным деятелем. Может быть, тележурналистом, как... – Ника чуть запнулась. – Как мама. Или математиком. Я люблю логику, отдыхаю на самых сложных задачах.

– А мне мама говорит, что я буду бизнесменом, точно!

– Покупать подешевле, продавать подороже? – улыбнулась Ника.

– Нет, почему. Производить что-то буду. То, что всегда нужно. Лекарства например. Алкоголь...

– Хорошо, – кивнула Ника. – Мне особенно насчет алкоголя понравилось. Можно в одной части завода водку гнать, в другой – таблетки для печени и сердца. Настойку боярышника, корвалол... Спиртовые препараты.

– Идея... – разулыбался Кирилл. – Пойдешь ко мне мерчендайзером?

– Непременно!

– Не, я серьезно... Или... я забыл слово... идеямейкер... Так, что ли... Ну, в общем, тот, кто все придумывает. В русском нет такого слова. Вообще у нас язык неразвитый.

– Пойдем, Кирюша. Не начинай новую тему, а то я заведусь сейчас, – вздохнула Ника и с трудом поднялась. – Да черт... Ненавижу свою беспомощность... Не могу сама шагнуть даже. Уже жара такая, а нам еще так далеко идти... Ковылять, точнее. Подожди... Ты слышишь? – Она остановила Кирилла, который хотел что-то сказать. – Голоса слышишь?

Тот неуверенно кивнул и тоже прислушался.

– Я надеюсь, это не нудисты из бухты... – хотел пошутить Кирилл, но прозвучало это серьезно.

– Если настоящие нудисты – ладно, хотя я этого не понимаю, человек, сколько живет на земле, прикрывается...

Кирилл начал смеяться. Ника остро глянула на него, он хмыкнул, смеяться перестал, нарочито небрежно спросил:

– А дальше что?

– Но там есть еще люди, – как ни в чем не бывало продолжила Ника, – совершенно больные на голову, мы видели вчера на берегу: идут три девушки, в сари, как индианки, загорелые, как будто другой расы – темнокожие, тащат продукты из поселка – огромные пакеты с овощами, фруктами, бутылки с домашним вином литров по десять, наверно. А с ними дядька, лет сорока – с большим фотоаппаратом на груди, абсолютно голый, только на голове тряпочка какая-то кокетливая, и веревочки цветные на руке, все. Идет, философствует, про Гессе что-то говорит...

– Может быть, он просто свободу любит, во всем? – предположил Кирилл.

Ника выразительно скривилась.

– Даже жалко, что ты на мордашку такой симпатичный, – сказала она вслух то, о чем уже некоторое время думала, идя рядом с Кириллом и слушая его разглагольствования.

Кирилл аж поперхнулся, хотел что-то сказать, но не нашелся, лишь издавал нечленораздельные охи.

– Ты... что... вообще... ты... – наконец выговорил он.

– Подожди! – остановила его Ника. – Я, конечно, в обычной жизни могу за себя постоять... Но во-первых, я не борец, а лыжница, а во-вторых, сейчас у меня что-то с ногой... Давай, может, спрячемся? Вот за этот камень...

– Давай, – легко согласился Кирилл. – То есть я не боюсь, конечно, но... на всякий случай... Я вообще... защитить тебя могу...

– Давай быстрее. – Ника подтолкнула мальчика, сама держась за его плечо.

– Я не потому прячусь, что боюсь, – бормотал Кирилл, лихорадочно отдирая ветку, которая зацепилась за его широковатую футболку. – Просто надо всегда... разумно...

– Да, да... Помолчи лучше пока...

Они сели за камень.

– Кого здесь только нет, – проговорила Ника. – Рай для энтомолога. – Она отогнала прутиком большого светло-зеленого жука с огромными полупрозрачными клешнями. – Красивый какой...

Кирилл немного отодвинулся.

– Боишься? – усмехнулась Ника. – Арахнофоб?

Мальчик обиженно выпятил губу.

Ника хотела сказать что-то ободряющее, но, услышав приближающиеся голоса, приложила палец к губам:

– Тсс! Тихо!

Подростки замерли.

Глава 8

– Ты что, как моя бабушка, немая? – Мальчик обогнал Анну и, прискакивая, побежал рядом. – Немка, немка, немая, немка... А-а-а-а!.. – Он закричал очень громко, так что копающая вдалеке послушница подняла голову и посмотрела, кто же так кричит в монастыре.

– Мальчик, оставь меня в покое, – глухо, но твердо ответила ему Анна и, отстранив его, повернула в сторону трапезной.

– Умеешь! Умеешь говорить! – весело воскликнул он. – Я в церкву уже ходил, мне понравилось... – Он показал на храм. – Я там петь буду, я петь умею... Спеть?

Анна досадливо опустила голову. Как же это невыносимо раздражает. Как избавиться от этого мальчика, не сказав ему ничего плохого. Он же не виноват, что его сюда привезли. Он не виноват, что у него пьющая, безалаберная мать. Даже странно, что такой бойкий мальчик при пьющей матери... Обычно у них забитые, неговорящие дети... На улице растет, наверно, и улица такая бойкая у него... Откуда они? Интересно, как она сюда попала и на каких условиях. Будет послушницей? Приют... Стеша сказала, что в монастыре будет приют... Нет-нет-нет, это для Анны не подходит. Сегодня же она пойдет и попросит о переводе.

– Хочешь послушать, как я пою? – Мальчик опять обогнал ее. – Хочешь? Хочешь?

– Нет. – Анна резко отвернулась.

– Ты выпить хочешь, да?

– Что? – Анна от неожиданности остановилась.

– Я знаю, мамка всегда так тоже говорит... – Мальчик набрал воздуха и словно пролаял: – Нет! Нет! – И сам засмеялся. – И ты так же... «Нет! Нет!» Я не знаю, где здесь достать бухло... Я бы тебе достал. Я мамке приношу, когда ей плохо.

– Замолчи! – Анна даже повысила голос. – Да что же это... Я... Зачем вы приехали?

– А у нас квартиру отняли. Мамка сказала... – Мальчик, видя, что Анна никак не реагирует, продолжил: – Люди плохие... Я не знаю... Нам некуда идти...

– Господи... – Анна убыстрила шаг, мальчик – за ней. – Да не ходи ты за мной, ради бога!

– Ага, – кивнул тот, не отставая. – А когда хавчик дадут? Мамка сказала, здесь всегда хавчик есть...

Анна взглянула на мальчика.

– Еда. Это называется еда.

– Ну да, я и говорю – хавчик.

– Это называется – еда. – Анна постаралась говорить терпеливо.

– Ага, – послушно кивнул мальчик. – Еда. Закусон.

– Нет, просто еда. Сейчас – будет – еда, – четко произнесла Анна.

– Ты злая, – сказал мальчик. – Но ты не бухаешь. Я всегда вижу, когда бухают. У тебя печень вырезали, да? У дяди Гены тоже печень вырезали, он теперь не бухает. Но стал драться. Потому что мы к нему пришли, нам жить теперь негде. А он мамке в глаз дал. А меня обварил. Показать? – Мальчик задрал майку и повернулся спиной к Анне.

Анна быстро отвернулась и стремительно пошла к настоятельнице, которая показалась из-за поворота и тоже направлялась к трапезной.

– Матушка... – Анна, запыхавшись, почти бегом подошла к настоятельнице. – Что это вообще?... Зачем?..

– Что тебя так испугало, сестра?

– Как мы будем с этим... Я... Вы слышали, как он разговаривает... Зачем их взяли...

– Успокойся, Анна. Тебе нужно молиться о них.

– Да я не о себе говорю, я об этой женщине, ее сыне...

– Здесь она получит утешение и спасение, она верит в Бога, мы должны ей помочь молитвами.

– Тогда я вообще ничего не понимаю... Почему? Зачем?

– А зачем *ты* здесь, сестра? – мягко спросила настоятельница. – Ты два года ведешь брань, страсти тебя мучают, никто же тебе ничего не говорит, сестры приняли тебя... – Мать Елена цепким взглядом посмотрела на Анну.

– Я? Как можно сравнивать меня и... – Анна остановилась.

Чего-то она не понимает, очевидно. Игуменья отвечала ей совершенно спокойно, как будто Анна пришла сообщить ей какую-то рядовую новость – о том, что закончили прополку или что нужно съездить в город за мукой, мука закончилась. Словно это обычное дело – к ним приехала женщина, которая потеряла себя от пьянства, да еще и с сыном, разговаривающим на языке пропахших нечистотами подворотен.

– Молись о ней.

– Ну здесь же не ночлежка, правда?

– Почему ты так встревожилась, сестра? – негромко, но очень твердо заговорила настоятельница. – Она пришла сюда, потому что любит Бога.

– Но это же неправда! Она квартиру пропила свою, вот и пришла в монастырь, потому что больше некуда.

– Когда некуда больше идти, – кивнула матушка, – человек идет к Богу. Она не воровать пошла и не на вокзал жить, а молиться о спасении. И ты должна, Анна, в обращении с другими познавать душевные свои немощи и смиряться перед ближними. Какими бы они ни были.

– Не понимаю... – пробормотала Анна.

Настоятельница улыбнулась одними губами:

– Не забывай слова апостола Павла, глаголющего: «аще живем духом, духом и да ходим».

Анна взглянула той в глаза. Она издевается над ней? Или правда говорит на другом языке? Анна слышит ее, слова отдельные понимает, а все вместе – нет.

– Любовь к Богу, – продолжила игуменья, твердо глядя на Анну из-под очков, – доказывается любовью и милосердием к ближнему.

– Вы обо мне говорите?

– А милосердие, милость и снисхождение к ближнему, – ровным голосом договорила игуменья, – и прощение недостатков его приобретаются чрез смирение и самоукорение, покаяние.

Больше всего Анне хотелось спросить, понимает ли мать Елена до конца то, что говорит. А главное – верит ли она сама в это. Но спрашивать это было бесполезно. Анна никогда этого не узнает, мать Елена в любом случае скажет, что понимает и верит. Тем более что лично у Анны не было абсолютного права находиться в монастыре. Знает ли об этом настоятельница или только догадывается и молчит, потому что за Анну попросили?

– Ты помнишь, что ответил Бог Антонию Великому, когда тот озаботился кажущейся несправедливостью мира?

– Я не о мире в целом сейчас говорю, – тихо ответила Анна, понимая очевидную бесполезность этого разговора. Жаль, искренне жаль, что она не может, как многие, внимать словам игуменьи с полной, безоговорочной верой и трепетом, с открытой душой и наивностью.

– Говоришь о частном, о своем, а думаешь о несправедливости, о видимой тебе неверности замысла, ведь так?

Анна кивнула. Замысел очень странный, это правда. Или на самом деле неверный, или же не получилось. Но как может не получиться у Всевышнего и Всемогущего? Хотя в данный момент ее не это занимало. Не понимает матушка ее или нарочно переводит разговор в другую плоскость? Из реальности в притягательную, но непролазную пелену теологических споров. Как можно спорить о том, во что веришь или не веришь? На что не то что не требуется

знание, а требуется счастливое упоительное невежество, полное отрицание очевидных законов природы? По крайней мере, известных на сегодняшний день...

– Помнишь? – настойчиво переспросила матушка.

– Нет. Вряд ли. Я не читала об этом.

– Он ответил: «Антоний, внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих, потому что это душевредно».

Анна знала, как подробный, любовный анализ вот такой фразы Господа может вылиться в двухчасовую страстную проповедь. Да, здесь тоже есть страсти. Они иные, переплавленные, трансформированные, но часто абсолютно искренние, истовые... Да, «фразы Господа»... Как же им хорошо, тем, которые правда думают, что вот такими словами сказал тот, у кого нет ни прошлого, ни будущего, кто и там и здесь, и всегда, кто надо всем и во всем...

– Понимаешь, что я имею в виду?

Анна кивнула, но матушка продолжила, почувствовав ее неискренность или приняв это за неуверенность.

– «Внимай себе» – это не риторическая отговорка, сестра моя. Это прекрасный и практичный совет. Если у меня что-то болит, очень сильно – идти не могу, ногу растянула, я ведь не буду рассуждать о несовершенстве мира или о плохих дорогах, я буду молить Бога, чтобы нога побыстрее выздоровела.

– Я повязку наложу, – пробормотала Анна.

– Мучают тебя бесы, сестра моя, мучают. Не дают тебе верить счастливо.

– Не дают, – усмехнулась Анна. – Но не бесы, а ум. Я же не могу выключить свой ум.

Настоятельница быстро взглянула на Анну.

– Предпочитать молитву размышлению, сестра моя, – вот выход. Молись беспрестанно, и мысли перестанут мучить тебя.

– Не понимаю, какая связь между...

– Я скажу, – кивнула настоятельница. – Смиряться, терпи, молись о спасении.

– Не понимаю, – неожиданно для себя сказала Анна. – Зачем мне это новое мучение, этот мальчик?

– Молись о том, чтобы претерпеть эту новую для тебя боль, – тут же подхватила настоятельница.

– Вот так просто? – поразила Анна.

– Жизнь во Христе и сложна, и невероятно легка одновременно, – широко улыбнулась настоятельница, легко перекрестилась и ушла.

Анна побрела в другую сторону от трапезной – она видела, что туда замчался мальчик, который всё скакал, скакал неподалеку во время их разговора, играл с кошками, потом увидел, как кто-то вышел из трапезной с корзиной, полной свежесдобитых кувачек, уловил запах и ловко проскользнул в открытую дверь.

То есть она все время исподволь наблюдала за мальчиком... То есть он не дает ей покоя... То есть ей это дано для... Для чего? Все ли, что с нами случается, нам для чего-то дается? Нет, конечно. Иначе как быть с тем, что ломает нашу жизнь? Гибель Артема тоже ей для чего-то дана? Анне уже говорили здесь, пытались говорить, что так Господь ее испытывал. Спасибо, не надо нам таких испытаний. Круг, знакомый круг мучительных попыток разума постигнуть непостижимое.

Может быть, те, кто когда-то давно сказал: «А ты просто верь», тоже прошли этот круг? И не раз? Споткнулись, уткнулись во что-то совершенно непонятное, несправедливое, невозможное, искали, метались, а потом вдруг поняли: ничего не пытаться понять – это же самое простое и приятное. И стали учить этому других.

Анна зашла в трапезную и сразу поняла, где сейчас тот мальчик. Около него оживленно сновали монахини. Он сидел перед огромной для него тарелкой супа и жадно, неопратно ел.

Очень неприятный мальчик – твердо сказала себе Анна. Рядом с ним она увидела молодую женщину, и только по тому, как она была одета, и еще по подбитому глазу Анна поняла, что это и есть его мать. Лет ей было на вид непонятно сколько. От двадцати пяти до сорока пяти. Но это не тот монашеский стерильный возраст, который появляется от святости, воздержания, многочасовых молитв, многодневных постов, чистоты помыслов – настоящей чистоты, она таких видела, с незатуманенным мирскими мыслями сознанием, не все монахини такие, но на самом деле такие есть. Нет, это вовсе не то. Это болезненно-непонятный возраст. Опухшие губы – губы-то почему у нее так распухли? – целиком отекшее лицо, заплывший глаз с огромным синяком, заползающим на висок, стекающим к носу сине-зеленым пятном, тонко выщипанные пегие брови (тем не менее думала о красоте...), худая бледная шея, торчащая из бесформенного пронзительно-голубого свитера, выделяющегося из монашеских одежд невыносимо ярким пятном, руки желто-восковые, в каких-то красных пятнах...

Анна несколько секунд не могла оторвать взгляд от этого ужасающего существа и лишь потом опустила глаза. Да, молиться. И правда. А что тут поделаешь? Тем более что это гораздо проще, чем пытаться что-то изменить. Искренне молиться тяжело, но можно постараться себя заставить. Молитва – это душевный труд.

Анна отогнала неожиданно пришедшие в голову мысли о своей семье. Последнее время они стали как-то приходиться чаще. Но Анна уверенно отгоняла их. Нет, она живет так, как решила, так ей лучше. Все равно им бы с ней было плохо. Потому что она не хочет жить обычной жизнью. Не хочет радоваться, заниматься глупостями, по воскресеньям ездить на природу, готовить ужины, смотреть, как с завидным аппетитом ест Ника и что-то рассказывает, смеясь. Нет, нет и еще раз – нет.

Женщина тем временем встала и куда-то пошла, осторожными шажками, как будто боялась упасть или разбить что-то невидимое, что она несла в руках. Мальчик, раскрасневшийся от обилия теплой еды, перемазанный борщом, который наварили сегодня сестры, остался сидеть за столом, напевая и катая хлебные шарики по столу. Монахиня, сидящая рядом, наклонилась к нему и что-то тихо сказала. Мальчик удивленно поднял на нее глаза, оставил кусок хлеба, стряхнул крошки с рук, вытер рукавом рот. Посидел еще немножко, потом, быстро оглянувшись, взял несколько кусков хлеба и, перепрыгнув через лавку, на которой сидел вместе с монахинями и послушницами, побежал к выходу. Мать его так и не вернулась.

Анна вздохнула и отодвинула пустую тарелку. Хорошо, что полполовничка налила всего. Нет аппетита. У нее и так аппетит плохой, а сегодня вообще нет. И мысли лезут и лезут. Съездить на кладбище к матери и Артему... Но для этого нужно возвращаться в Москву, а она делать этого не будет. Она и так чувствует себя очень близко к ним. Эта дверь как открылась, так и не закрывается вот уже два года. Иногда у Анны возникает ощущение, что и двери никакой нет, просто она стоит на краю, где смыкаются два мира – мертвых и живых. Стоит шагнуть – и она уйдет из этого мира навсегда. Такое желание никогда не приходило ей в голову, даже в самые черные дни. Но это чувство не покидает ни на минуту. Вот он, это другой мир, где Артем, где мама, где их души... Хотя бы в это Анна верит. Иначе вообще невозможно жить.

Глава 9

Ника увидела краем глаза, как Кирилл смотрит на нее, смешно выдвигая вперед челюсть и хлопая ресницами. Ресницы у него, конечно... на двоих росли, одному достались. Зачем только мальчику такие ресницы?

Ее размышления прервал громкий крик:

– Народ! Здесь стрелка!

Ника с Кириллом переглянулись, не веря своим ушам. Знакомый голос, веселый, грубоватый.

Ника первая приподнялась, охнув от боли.

– Да ч-черт...

– Держись за меня, – прошептал Кирилл, на всякий случай не повышая голос. – Что, выходим?

– Конечно. Это же Борода, точно.

– Давай подождем, убедимся... Обнимай меня за шею!

– Я тебя не обнимаю, – прошептала Ника. – Я просто держусь, так удобнее...

– Вот я и говорю... – Кирилл сам неловко взял ее за талию. – Болит нога?

– Когда ты меня за бок щиплешь, то болит бок.

– Извини... – Тут же растерявшись, Кирилл убрал руку.

– Ладно! – тихо засмеялась Ника. – Вон и все остальные...

Она прыгнула на одной ноге, держась за Кирилла, и чуть не упала, зацепившись футболкой за ветку.

– Картина маслом!.. – развела руками Борода. – Какие люди без охраны! А что вы вдвоем за камнем-то делали? По одному я еще понимаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.